лель-ревю

2'99

ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ ВАЖНЕЙШИМ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКУССТВО ЛЮБВИ

ИЗМУЧИЛ[illegible]
ИСПОРТИЛСЯ ИНТИМНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
УНИКАЛЬНАЯ ЭРО-АЗБУКА

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЭРОТИКЕ
ИСПОВЕДЬ МОЛОДОГО ЛЕЙТЕНАНТА

СЕКСУАЛЬНЫЙ ПОЕДИНОК
МАДАМ ИВЕР ПРОТИВ АРМАНА

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ В ПОСТЕЛИ
ЛЮДИ РЕДКОЙ ПРОФЕССИИ

КРОССВОРДЫ, АНЕКДОТЫ
ТЕСТ ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ

Періодика

ЗАЧЕМ ПЕНИСУ РУЧКИ?
НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

ИСПОВЕДЬ МОЛОДОГО

Дмитрий ВОВКУЛАК

Как говорится, в жизни всегда есть место эротике. Хуже, когда она перерастает в откровенно циничную порнографию. Как, скажем, после очередной ночи с женщиной из когорты считающих, что «секс — не повод для знакомства», когда уже даже нет желания то ли отмыться, то ли повеситься. Значит, полный привет. Очевидно, как это ни абсурдно звучит, мы не являемся самцами или самками до тех пор, пока осознаём, что часть чего-то животного в нас все-таки имеется, и презираем себя за это.

Каждому психически нормальному курсанту военного училища лейтенантская жизнь рисуется в самых радужных тонах. Нет семьи — нет забот. Хоть и престиж офицерства нынче не особо высок, и с деньгами, а вернее, с их отсутствием, проблемы — что из

Фото Андрея ГРЕЙЖИ

ЛЕЙТЕНАНТА

того? Есть молодость, здоровье, наконец, эрекция, черт возьми, — чего же еще надо? К тому же и рассказы, известные с времен стажировок, о жизни в общежитиях офицеров-холостяков возбуждают ну очень большие надежды в изголодавшихся курсантах. Оно и понятно: тут, так сказать, гормоны в крови бурлят, а вокруг-то всей эротики — максимум половая тряпка.

Вот так, попав после выпуска заместителем командира роты в житомирский гарнизон, я и принялся постигать азы сексуально-служебной модели устройства Вселенной.

Начался сей процесс перехода от теории к практике с того, что повел меня мой начальник, старый подполковник, чуть ли не за руку по части и ее окрестностям — ознакомить с расположением. Проходя мимо четырехэтажного здания, сказал: «А это — наше общежитие». У входа на лавочке чирикали кумушки лет по 30—35. Увидев меня, среагировали на новый лейтенантский китель (на котором, как говорится, еще и муха не сидела) молниеносно: «Что, Маркович, золотой эротический фонд прибыл?!» Им Маркович не ответил, лишь хмуро бросил мне: «Ты на этих б... внимания не обращай. Найдем тебе хорошую девку, женим».

Но оказалось, что «хорошую девку» искать скучно, да и недосуг. С «б...» же все было проще и интересней. Надо сказать, контингент этот в любой воинской части присутствует: секретчицы, поварихи, связистки и прочий люд женского пола, не отказывающий себе в маленьком удовольствии «потанцевать под одеялом».

Вел я себя поначалу прилично. По молодости пропадал на службе по 12—14 часов, а то и сутками. Придя в «общагу», быстро перекусывал чем Бог послал, — да «в люлю». Но в один прекрасный день (вернее, вечер), прийдя к себе, услышал за стеной все составляющие отечественного народного гулянья: громкую музыку, смех, женские и мужские голоса со всеми признаками алкогольного опьянения. Через некоторое время в дверь постучали. «А где Саня?» — спросила вошедшая невысокая молодка, довольно симпатичная на мордашку (Саней звали моего соседа по комнате, старлея-холостяка). «На службе, наверное», — ответил я. «Ну тогда идем с тобой пить. У меня сегодня день рождения». Я, естественно, начал ломаться. «Да ладно, не строй из себя целку-невидимку», — прервала мои отговорки женщина и, взяв за руку, увлекла за собой.

В комнате стоял стол, количество выпивки на котором значительно превосходило количество съестного, сидели два офицера нашей части и три женщины неопределенного возраста. Встретили, как родного. Пили много и жадно — как обычно пьют офицеры. Женщины не отставали. Почувствовав, что мне уже хватит, стал я, наивный, прощаться. Тамара (это она приходила за мной) грубо сказала: «Куда это ты, орел, собрался? Или я тебе не нравлюсь?» Она мне уже нравилась, но тащить ее к себе в комнату, где в любую минуту мог появиться Саня, было несколько неудобно. «Покурить иду», — отмазался я. «Видно, надолго идешь, раз прощаешься», — усмехнулась Тамара.

Я и вправду пошел курить. Встал себе тихо у окошка в общем коридоре, курю, в голову мысли всякие лезут, напрямую относящиеся к проблеме воспроизводства потомства. Рядом стул стоит: видно, кто-то из проживающих на этаже любит курить сидя. Романтика, понимаешь...

Когда сзади раздались шаги, я был уверен, что это Тома. Так и оказалось. Я не оборачивался, она прижалась ко мне и зашептала в затылок: «Пойдем ко мне!» — «У тебя же гости», —

®Лель-ревю

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА О ЛЮБВИ

№ 2 (31) 1999

Основатель и издатель — фирма "Деркул" (свидетельство о регистрации: серия КВ, №849 от 22.07.94).
Журнал издается с июня 1994 года.

Главный редактор
СЕРГЕЙ ЧИРКОВ.

Редактор отдела фольклора и литературных раритетов
НИКОЛАЙ СУЛИМА.

Начальник компьютерного центра
ВЛАДИСЛАВ ЧИРКОВ.

Литературный редактор
ВАЛЕНТИНА МИТРОФАНОВА.

Макет Владислава Чиркова.

На 1-й стр. обложки— фото Александра Задираки; на 3-й стр. — фото Евгения Шипицина; на 4-й стр. обложки— фото Валерия Анзылова; постер — фото Михаила Кокотчикова.

Подписано к печати 11.05.99.
Тираж — 16000 экземпляров.
Цена договорная.

Адрес редакции: 254119, Киев-119, ул. Дегтяревская, 38—44, "Лель-ревю".
Телефон/факс: (044) 211-02-68.

Сканирование и обработка иллюстраций, набор, верстка компьютерного центра фирмы "Деркул".
Тел.: (044) 211-02-68.

Печать — УкрНИИСВП, ул. Киото, 25

Журнал публикует фото только после письменного подтверждения автором своих прав на публикацию и полученное им согласие от моделей. Поэтому все претензии, связанные с обнародованием снимков, следует адресовать фотографам. Фотографии, помещенные в журнале, не являются прямыми иллюстрациями к текстам.
Ответственность за содержание и достоверность рекламной информации несет рекламодатель.
При перепечатке материалов ссылка на журнал "Лель-ревю" обязательна.

© «ЛЕЛЬ-РЕВЮ», 1999.

Индекс 74288.

возразил я, не особо еще разбираясь в соседях и местах их обитания. «Дурик, это мы у Светки пили, у меня никого нет... Кроме детей. Но они уже спят». Дети, или, на холостяцком языке, «прицепы», мне не понравились. «Зачем же детей будить? — спросил я. — Детям надо крепко спать. Давай прямо здесь».

Ну, она «прямо здесь» и «дала». То есть без долгих прений приподняла юбку, полностью оголяя вполне стройные ноги, и принялась стягивать трусики. Делала это умышленно не спеша, и когда, наконец, сняла, я был готов трахнуть хоть нашего командира части. «Садись на стул!» — приказала Тома. Я не заставил себя долго упрашивать. И если у меня еще мелькнула мысль, что будет, если кто-нибудь выпрется в коридор и увидит весь этот аттракцион, то это был последний проблеск здравого смысла на ближайшие пятнадцать минут.

Вряд ли стоит уточнять, что проснулся я у Тамары в комнате. Было часов шесть утра, был дикий «сушняк» после выпитого вчера, а еще почему-то было дикое желание. Тома лежала ко мне спиной. И если бы я сказал, что она была хоть как-то одета, вы бы все равно мне не поверили. В общем, я позволил своей руке прогуляться вдоль ее ягодиц, добрался до «девочки» и раздвинул пальцами ее губки. Тома делала вид, что спит, но там была влажная, как самка опоссума в период случки. Оставалось только войти...

С тех пор я, что называется, расконсервировался и зажил нормальной половой жизнью, частенько оставаясь ночевать у Тамары. Две ее дочки — одной пять, другой три годика — особенно не мешали. Дети были «нагуляны», замужем Тома никогда не была, а теперь, с двумя «прицепами», ей это особенно и не светило. Трахалась она так, что любая Эммануель лопнула бы от зависти. А мне ничего более и не требовалось. Разве что, через некоторое время, захотелось разнообразия. И оно, будьте уверены, не заставило себя ждать...

Для начала меня, возвратившегося в два часа ночи со службы, в том же коридоре практически изнасиловала жена нашего секретчика, жившего со мной на одном этаже. Она была пьяна, как истинный патриот в День независимости Украины, и, если верить ее словам, за мной охотилась давно. Однако ее истерические стоны и дряблые груди особого энтузиазма в моей душе не вызывали, и впредь домой я возвращался более осторожно.

Затем я очень заинтересовался пышными формами связистки-холостячки Вали с нашего пункта связи. Как-то, изрядно надравшись на службе, с бутылкой водки зарулил к ней на огонек и признался в том, что ее бедра и грудь в последнее время стали объектами моего пристального внимания. Валя не весьма стремилась удовлетворить мою жажду познаний, но и негативной реакции не проявила. «Если ты этого и вправду так хочешь...» — протянула она. Я немедленно подтвердил, что хочу этого и так, и эдак, но от описания последующих сцен воздержусь, дабы не быть уличенным в плагиате из «Кама Сутры». Правда, наутро Валентина стала настойчиво требовать подробных моих отзывов о ее технике, анатомических особенностях и пр., так что в дальнейшем я навещал любвеобильную связистку довольно редко, да и то лишь как следует поддав.

Похождения эти не остались вне ведома Тамары. Последовал скандал с угрозами «разделать эту шлюху, как бог черепаху». Откровенно говоря, я не совсем в курсе, что же на самом деле произошло с той несчастной черепахой, но, признаться, был в шоке. Какие она имеет права на меня?! И впредь начал сторониться своей не в меру темпераментной соседки: перспектива стать мужем потаскушки и отцом двух очаровательных рыженьких малышек меня почему-то мало прельщала.

Когда же старшенькая ее, Алла, стала по наущению маменьки называть меня при встрече (и это на улице, при народе) «папой», я понял, что оперативная обстановка настоятельно требует тактических действий. Тем более, что заранее подготовленных районов обороны и прочих позиций в лице наших доблестных сослуживцев (вернее — сослуживиц) женского пола было более чем достаточно. Но Тома имела свой, вполне определившийся взгляд на наши отношения. По крайней мере, после ее нескольких спонтанных признаний в горячей любви к моей скромной персоне я начал осознавать, что, кажется, влип.

Однажды среди бела дня она ворвалась в мою комнату и принялась уговаривать меня пойти выпить за здоровье Аллочки, поскольку у той сегодня.... правильно, день рождения. Ох уж эти дни рождения!..

У Тамары в комнате уже была накрыта «поляна» и сидела дама с формами, ничем не уступавшими Валиным. Даму звали Наташа, она была крестной мамой Аллы, то бишь Томиной кумой. Позже пришел мой друг, наш командир взвода Степа. Пили уже вчетвером. Наташа (мы ее сразу стали называть просто «кумой»), из каких-то ведомых ей одной соображений, принялась рассказывать мне, как она ненавидит военных, и, в частности, офицеров. Называла она нас ласково и нежно — «офицерьё». Само собой разумеется, что трахнуть ее стало вопросом чести. К тому же я хоть и обиделся, но, тем не менее, это самым благотворным образом повлияло на мою потенцию. Впрочем, Наташа сама по себе была весьма лакомым кусочком. В общем, я вышел со Степой в коридор и предложил ему ублажить Тамару. Степа, как настоящий друг, согласился. Правда, оставалось поставить в известность саму Тому, но это мы сочли излишним.

Будучи довольно-таки навеселе, я предложил Наташе пойти в коридор — покурить. Она, естественно, согласилась. Оттуда до моей комнаты было рукой подать.

Заперев дверь, я без долгих вступлений усадил ее на диван, встал перед ней на колени и принялся ласкать ее ноги — от колен и выше, постепенно задирая юбку. Когда дошел до трусиков, Наташа как-

то неестественно всхлипнула и легла на спину, раздвинув ноги. Будучи весьма проницательным молодым человеком, не обделенным дедуктивными способностями и смекалкой, я кратко проанализировал ситуацию и пришел к очень обнадеживающему выводу, что передо мной открылась перспектива отомстить за поруганное «офицерьё». Что и сделал. Наташа превзошла все мои ожидания. Ее темпераменту позавидовал бы любой энергоблок атомной электростанции. Она целовала меня так, что я чувствовал на губах вкус крови. Когда же кума предложила: «Давай, я сверху», — я прикинул на глаз соответствие масс наших тел и вежливо отказался. Обращаться в санчасть с переломами ребёр мне никак не хотелось.

Эту сексуальную идиллию прервал более чем настойчивый стук в дверь. Когда дело дошло до ударов не то ногами, не то кулаками, я открыл. В комнату ворвалась Тома. Не обратив на меня ни малейшего внимания, она ринулась в атаку на Наташу. В эту минуту миниатюрная Тамара напоминала спецназовца во время штурма захваченного террористами «Боинга-737». Но, странное дело, «Боинг» на пощечины реагировал вяло, даже как бы стесняясь, что ли. «Ты же крестила моих детей!!! — вопила Тома. — А теперь отнимаешь у них будущего отца!» От последней фразы я, что называется, обалдел. Вот это номер! Пришлось вмешаться и ласково-нежно выброситьТамару из комнаты. Не без удовольствия наблюдавший за всем этим Степа, полушутливо обозвав меня кретином, отправился утешать разъяренную претендентку на звание «Мать-героиня».

Мы с Наташей отправились к ней. Выяснилось, что она не замужем, живет одна в двухкомнатной квартире. Не знаю, то ли Наташа была так сексуальна, то ли на мою нервную систему так подействовал этот скандал, но мои аппетиты в эту ночь нанесли бы серьезную психологическую травму любой порнозвезде. Я выкладывался полностью, весь, как на пороге ядерной бомбардировки. Я давал волю своей необузданной фантазии, всё, что засело где-то в подсознании со времен детских эротических снов и первых поллюций, выплеснулось вдруг наружу. Я кончал раз за разом и буквально через десять минут непрерывных ласк был опять готов. Наташа, поначалу довольно-таки спокойная, распалялась все сильней и сильней. Мои руки, мой язык ласкали все ее тело, хотели побывать всюду. Кажется, и у члена были весьма схожие устремления. И Наташа, с некоторым неумением, но с желанием и жаждой встречала его. Я уже не знал, кто кого брал — я ее или она меня. После седьмого оргазма я почувствовал, что надо отдохнуть, дабы наутро быть в состоянии хотя бы передвигаться без посторонней помощи.

Наташа, тоже уставшая, положила голову мне на плечо и сказала: «Знаешь, я сегодня впервые в жизни испытала оргазм». — «Признайся, что насчет «ненавистного офицерья» ты несколько погорячилась!» — не без самодовольства заметил я. «Признаюсь!» — засмеялась она.

Весь следующий день я Тамары не видел. Степа же мне сказал: «Трахаться умеет и хочет, но дура». Помолчал и добавил: «И тебя любит». Не хотел я быть циничным, но ответил: «С двумя детьми я бы на ее месте лучше полюбил инвестиционный фонд».

А еще через день мне по секрету сообщили, что маленькая Алла рассказывала кучке офицерских жен из «общаги» (кстати, легендарные бабушки-пенсионерки по части сплетен им в подметки не годятся): «А дядя Дима и дядя Степа раздевались совсем и спали с моей мамой, тоже голенькой!» О том, что происходило это, так сказать, по отдельности, она не уточняла. Можете себе представить реакцию слушательниц!..

Поэтому лично я был не особенно удивлен, когда мой начальник, вызвав «на ковер», принялся орать на меня: «Товарищ лейтенант! Что вы за б...ство разводите в офицерском общежитии! Что за групповой секс?! Да я вас в порошок сотру, я вас тут каждый день буду иметь по пять раз, не снимая сапог!..» Да, в тот раз он «поимел» меня круто. Главное, что я понял: ни в коем случае нельзя связываться с матерями-одиночками и женщинами-военнослужащими. Мой начальник так и сказал: «В сторону этих шлюх забудь и дышать». А начальник всегда прав...

Фото Николая ТАРАНЕНКО

ГОРЕ ОТ УМА

Пародия на комедию А.С. Грибоедова

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ 4

Лиза, Софья (с распущенными волосами, в белой нижней юбке, с голыми руками, сиськи наружу) со свечою в правой руке, левою держит и ведет за собою за х... Молчалина; у Молчалина с собою бумаги.

Софья
Чего шумишь? Что на тебя напало?
Молчалин триппер мог схватить.
(С грустью смотрит на Молчалина.)

Лиза
Конечно, нам расстаться тяжело,
До света, запершись, е...сь, а кажется — все мало!

Софья
Ах, в самом деле рассвело!
(Тушит свечу, к Молчалину.)
О, как глаза тебе сегодня подвело!
Как тяжело с тобою расставаться!

Молчалин
Мы с вечера опять начнем пихаться.

Софья
Идите, целый день еще потерпим скуку.

Лиза
Да от х... его вы отнимите руку.
А вы бы, сударь, х... в штаны хоть положили
Или бумагами его прикрыли.

Молчалин
(надевает бумаги на х...).
Совет разумный!

ЯВЛЕНИЕ 5

Софья, Лиза, Молчалин и Фамусов

Фамусов
Что за хреновина! Молчалин, ты ли, брат?

Молчалин
Я-с.

Фамусов
Зачем же здесь? И в этот час?

Молчалин
Я для доклада нес записки.

Фамусов *(Софье).*
А у тебя зачем наружу смотрят сиськи?

Софья
Я встала лишь сейчас, одеться не успела.

Фамусов
А фрейлина твоя чего, е...на мать, смотрела?

Лиза
И я ведь, сударь, не без дела.

Фамусов
Молчать! Мне, право, не до шуток,
Я сам не срал уж двое суток,
Ужасно с некоторых пор
Меня терзает запор.
Сегодня утром я поставил два клистира,
А вы меня опять взбесить уже собрались.
Признайтесь, чем вы занимались?

Молчалин
Я шел с бумагами...

Фамусов
Эй, полно врать, е...на мать,
Идем бумаги разбирать!

ГОРЕ ОТ УМА

Сцена из комедии А.С. Грибоедова, не пропущенная полицией нравов и потому «не замеченная» *позднейшими исследователями*

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ 4

Лиза, Фамусов, потом Софья.

Лиза
Ах, барин!

Фамусов
Барин, да! Похоже, не меня ждала, другого.

Лиза
Я по хозяйству занята,
Не ведая, что вы сегодня дома.

Фамусов
И пользуешься сим?

Лиза
Как можно!

Фамусов
Можно, коли говорим!
Не всякий раз тебя врасплох застанешь,
Иной раз пальцем в небо ткнешь,
Иной — без доказательств не достанешь,
Переиначишь — или обсмеешь...
Да, ты в готовности во всякий час:
Когда ни погляжу, вся светишься, как солнце,
Как будто кто-то проходил сейчас
И заглянул в раскрытое оконце.

Лиза
(поспешно закрывает окно).
Наверно, это были вы.

Фамусов
Утешила, черт побери!
Ведь каждый раз, когда с тобой видаюсь,
Я ощущаю горечь и печаль, что не могу
Вот так вот, невзначай *(валит Лизу на диван)*
Задрать твою немятую юбчонку и попочке
Работу преподнесть...

Лиза
За чем же дело? Я почту за честь!

Фамусов
Что ж, если вправду честь тебе дороже,
Мне помоги половчее и строже
Исполнить долг, накладок избежав,
В твой монастырь доставить мой устав.
Я подустал. Не молод я, конечно,
Все сладкое — в мгновеньи быстротечном,
Но пока течка и пока я тут,
Я — прежний — молодой и дерзкий плут.

Вбегает Софья.

Софья
Ах, батюшка!

Фамусов
Стучать извольте-с! Вот шутиха!
(Неохотно отпускает Лизу).
А коль вошли, не подымайте шум.
Пусть я не безупречен, но ведь
Толку в моем изобличеньи чуть.
Да и не вижу в том своей вины...
К тому же, кто поверит ветрогонке?

Софья
Не вы ль учили нас, что девушки должны...

Фамусов
Ах, как мы восприимчивы и тонки!

Софья
Нам часто кажется, что любим мы любовь.

Фамусов
Хоть и не это вам бывает нужно.

(Хочет взять бумаги у Молчалина, тот подает, но обнажает хрен.)
Отцы! вот это х...! оглобля с колымаги.
Ну век!.. Не знаешь, что начать.
Так, говоришь, ты нес бумаги?

Лиза
Он шел к вам в кабинет с бумагами, спешил;
Ну просто-напросто х... спрятать позабыл.

Первая половина XIX в.

Томас РОУЛЕНДСОН (1756—1827). Шалость

Софья
Вы правы, батюшка! Надеждою живем,
Что скрасит нам, пускай не жизнь, но ужин.

Фамусов
И скрашивай! Не запрещаю я,
В пределах установленных приличий.
Возьми Молчалина. Пусть Чацкий... иногда,
В постели не чинов важно отличье.
А важно, чтоб, себя позволив совратить,
На домогательства ответив благосклонно,
Отдайся, но не в жертву, а как приз,
Оплаченный вперед и безусловно.

Публикация Бориса Иоселевича
Конец XX века

В Венерических влагалищ воспаленный вид
Вертуна вуайериста вряд ли возбудит.
Г Гедонист горазд гульнуть:
Голышом головкой грубо
Грешной гейше гладит грудь,
Гениталии и губы.
Д Долой дрянь-девок, дев ли!
Давай, друзьки, дружиться —
Достойнее, дешевле
И даже дольше длиться.
Ж Жаси до женщин, желает жениться
Жалкий жуир на жирующей жрице.
А Антиморальный
Абрек аксакал
Актов анальных
Азартно алкал.
Б Благонравную барышню будит
Беспокойный будильника бой.
А блудница — та бодрствовать будет,
Болт большущий бодая балдой.
З Звуком и запахом занята задница.
Зря засадить злоумышленник зарится!
Е Если есть у евнуха елда
Еться с ним едино — ерунда.
И Изнемогшийся изрядно импотент —
Испортился интимный инструмент.

ЭРО-АЗБУКА

К

Клитор Карл украл у Клары.
Клара Карлов кол украла.
Как корил калеку карлик!
Как кляла кастрата Клара!

Н

Нагая нимфоманка
Невинна и нежна,
Но негру-некрофилу,
Наверно, не нужна.

М

Манерами манкируя,
Минета мастерица,
Морковкой мастурбируя,
Махрово матерится.

Л

Лобки лобзают,
Ляжки лижут лесбиянки
Любя, ломают
Леди легкие лежанки.

П

Публичного притона посетители
Переходной извращались похотью...
Пока пасхудства подо предохраняются —
Перчаткой, пусть, пусть предохраняются!

О

Одалиской обладал
Онанист-оригинал.
От орального оргазма
Он отчаянно орал.

Р

Раздетый ребенок рисует разврат.
Развязный распутник растлению рад.

С

Секс сидя слишком сложен
Совсем супруг стреножен.
Секс стоя самый стильный —
Самец сумеет сильный.

Азбуку составили
Станислав Жураховский и
Александр Немировский

PLAYBOY

МАДАМ ИВЕР

Анн-Мари ВИЛЬФРАНШ

Из книги «Тайны любви»

В элегантном салоне Ивонны Ивер — огромное трюмо в изящной оправе с узором из лилий, стильная мебель с белой атласной обивкой, по углам четыре бюста тонкого лиможского фарфора, в натуральную величину, на подставках из розового мрамора. И среди всей этой роскоши хозяйка дома выглядела самым изысканным произведением искусства. Ивонна полулежала в кресле стиля модерн, выгнутом наподобие лебединой шеи, небрежно опершись на него одной рукой, вытянув скрещенные в щиколотках ноги с узкими ступнями в мягких комнатных туфельках из глянцевой белой кожи.

Было одиннадцать тридцать утра; в ожидании визитов Ивонна надела роскошный пижамный

Петер ФЕНДИ. Вариации на эротические темы. 1835

костюм из белого шифона. Обшлага и воротник облегающего жакета были изящно присобраны, а покров брюк подчеркивал совершенство линий ее ног. Вышитая на кармане над выпуклостью левой груди буква «И» притягивала взор.

Улыбнувшись, Ивонна плавным жестом подала Арману тонкую руку с длинными пальцами, слишком хрупкими для массивного перстня с рубином и бриллиантами.

«Ах, какая же игра лучей!» — подумал он, склоняясь над этой рукой. На атласе кресла — едва прикрытое тонким шифоном стройное тело, цветовые пятна тщательно продуманы: яркая губная помада клубничного оттенка, желтовато-зеленое ожерелье, но главное — блестящие темно-каштановые волосы. Ивонна носила короткую прическу с пробором слева, косая челка прикрывала лоб до правой брови, а по бокам гладкая волна волос ниспадала до мочек ушей. Очевидно, уже в столь ранний час горничная успела основательно потрудиться над прической хозяйки, чтобы создать подобное совершенство.

Обстановка наводит на размышления, подумал Арман, усаживаясь в белое атласное кресло (суперсовременная мебель не имела подлокотников). В самом деле, все убранство салона преследовало цель поразить посетителя, намекнув на неординарную личность хозяйки или даже на загадочные глубины ее души, и увлечь его этими загадками. Обилие белого цвета наверняка символизировало нежность и непорочность юности, неизбежно порождая страстные фантазии о совращении мнимой невинности. Но притязаниям на образ незапятнанной чистоты противоречили и пикантный фасон сверхмодного костюма, и томная поза Ивонны, и ее уверенность в себе.

В общем, заключил Арман, эта женщина — сложная, скрытная и, быть может, даже опасная натура. Совсем не то, что ее сестра, прямая и чистосердечная Мадлен. Мадлен вызывала у него и любовь, и восхищение, и уважение. Ложась с нею в постель, он испытывал настоящую страсть. А дорогостоящая и хитроумно обставленная соблазнительность Ивонны возбуждала его и вместе с тем отталкивала. Но такова уж была природа Армана, что он не мог не воспламениться желанием от одной лишь мысли о том, что легкое одеяние Ивонны — единственная преграда между ее стройным, ухоженным и надушенным телом и его ненасытными глазами, руками и губами.

Однако, поразмыслив, он решил, что под шифоном пижамы должно быть и белье. Острия маленьких грудей Ивонны упирались в легкую ткань, но невозможно было разгадать, красные ли они, розовые или же коричневатого оттенка. А где сорочка, там и подходящие трусики. Значит, если случится немыслимое и Ивонна по небрежности позволит длинному жакету приподняться до того места, где сходятся воедино ее бедра, темные завитки волос не откроются глазу сквозь полупрозрачную ткань брюк.

Размышления Армана о шелковых вещицах Ивонны немедленно пробудили любопытство его неугомонного дружка, и тот напомнил о себе нетерпеливым подрагиванием. Но, будь Арман вполне честен с самим собой — что редкость для большинства мужчин, — он бы признал, что приветливость Ивонны в сочетании с ее расчетливой чувственностью несколько настораживает. Хотелось бы знать, что ожидает ее любовников, когда она теряет к ним интерес? А со столь требовательной женщиной это наверняка происходит регулярно. Неужели она немедленно дает отставку мужчине — выжатому, как лимон, телесно, душевно и материально? Нет, нет, не похоже...

Как бы то ни было, Арман пришел с визитом к ней, а не к Мадлен — и не только потому, что Мадлен как раз уехала в Версаль навестить подругу. Он знал об этом, поэтому и явился на квартиру мадам Ивер. Не с тем, чтобы предстать в роли поклонника и соискателя ее милостей — нет, цель Армана была сложней... и никак его не красила.

Бурный роман с Мадлен, длившийся уже два месяца, поглощал все его существо. Но, по правде говоря, были и еще кое-какие желания, которые он настойчиво стремился удовлетворить. Для Армана, как и для ценителя наслаждений герцога Мантуанского из оперы Верди, слова «Та иль эта...», поскольку дело касалось доступных ему хорошеньких женщин, были вопросом немалого значения. Мадлен, Доминика, Сюзетта — у каждой был в любви свой особый стиль! Так чего ради он, Арман — красивый, независимый холостяк, будет ограничиваться прелестями лишь одной из своих шикарных приятельниц? Странно даже представить такое!

Нет, он не собирался навсегда расстаться с Мадлен! Обнажать ее маленькие груди и, держа в ладонях, покрывать их бессчетными нежными поцелуями — слишком большое наслаждение, чтобы мужчина в здравом уме мог отказаться от него по доброй воле. А лежать в ее объятиях и входить в ее горячее лоно было для Армана неземным блаженством. Но — и в раю есть свои «но» — сейчас ему хотелось несколько ослабить жар их свиданий, чтобы сохранить время и силы для других встреч.

Поначалу он не знал, как взяться за это, не вызвав опасных подозрений в связях с другими женщинами. В конце концов сам собой возник такой план: Мадлен возвращается к покинутому семейному очагу, оставаясь при этом его любовницей. Это ограничит возможности свиданий у него на квартире, а законные притязания мужа остудят пыл Мадлен настолько, насколько хотел того Арман.

Естественно, только безумец мог бы предложить своей возлюбленной вернуться к мужу — сидя вместе с ней в любимом ресторане за изысканным ужином или в постели в перерыве между нежными любовными сражениями. Вопрос требовал деликатности, и подходить к нему следовало издалека. Идея Армана состояла в том, чтобы подбросить Ивонне мысль о примирении Мадлен с Пьером-Луи, а уж она устроит дело, как сочтет нужным.

Но когда он затронул эту тему после получасовой светской болтовни, то услышал неожиданно резкий ответ:

— Перестаньте вмешиваться в личную жизнь других. Это своего рода тщеславие — считать себя умнее всех и воображать, что вы достаточно понимаете людей, чтобы предлагать свое решение их интимных проблем.

Илья ШИНДЕРОВСКИЙ

ЧАСТУШКИ

Хороша ты — лучше нет:
Грудь и ноги ладные,
И какой-то тайный свет,
И трусы нарядные!

Агостино КАРРАЧЧИ. Серия иллюстраций к сонетам Аретино. 1602

На дворе собачий холод,
Я иду, красив и молод.
Девки, телом отогрейте,
У меня высокий рейтинг!

— Но подумайте, они оба, и Пьер-Луи, и Мадлен, не только мои родственники, но и близкие друзья! — воскликнул Арман. — Можно ли считать тщеславием мое желание способствовать их счастью?

Темно-карие глаза Ивонны смотрели на него с дружелюбием судьи, приговаривающего преступника к пожизненному тюремному заключению.

— Мне известно, что Поль-Луи приходится вам кузеном. А Мадлен — ваша любовница, — произнесла она наконец. — Поскольку вы решили, что лучше ей вернуться к мужу, я делаю вывод, что она вам надоела.

— Ни в коем случае! Я ее безумно люблю!

— И вашу любовь не смутит мысль о том, что Мадлен ложится в постель с другим — пусть даже это муж?

— Вы жестоки, Ивонна. Мысль о моем сокровище в объятиях другого мучительна, она терзает мне душу. Но, отвлекаясь от нее на мгновение — нечеловеческим усилием воли, поверьте! — и трезво оценивая ситуацию, я считаю, что будущее Мадлен будет более надежным, если она вернется к Пьеру-Луи.

— Следовательно, вы не собираетесь жениться на ней, если она получит развод?

Арман простер обе руки, как бы давая понять, что вполне осознает свое ничтожество и стыдится его:

— Я слишком люблю Мадлен, чтобы желать ей такого мужа, как я. Я, надеюсь, хорош в роли любовника, но, став мужем, неизбежно превращусь в домашнего тирана. Увы, как это ни мучительно для меня, лучшим выходом будет возвращение Мадлен к мужу.

— И все так просто? — тонко выщипанные брови Ивонны словно взлетели.

— Как мы оба знаем, Мадлен оставила Пьера-Луи, узнав о его романе. Теперь, слава Богу, с подружкой покончено — это я знаю точно. Таким образом, ничто не мешает им соединиться вновь.

Ивонна пристально смотрела на гостя, теребя длинными пальцами зеленые нефритовые бусы. Она переменила положение ног, и от этого движения груди под тонким шифоном белого жакета легонько колыхнулись.

— Поскольку вы уже решили будущее Мадлен, а тем самым и Пьера-Луи, вам, вероятно, приятно будет услышать, что он был здесь вчера вечером и умолял ее вернуться.

— Надеюсь, он был трезв.

— Да, и говорил он вполне искренне.

— И что же? Не терзайте меня, Ивонна!

— Думаю, его поведение произвело благоприятное впечатление на Мадлен, как и его заверения, что он избавился от любовницы.

— И она согласилась?

— Это очень серьезный вопрос, — обыденный тон Ивонны противоречил смыслу ее слов, — его следует обсудить со всей тщательностью. Что вы надеетесь услышать от меня? Мадлен сейчас думает об этом...

— Значит, есть надежда, как вы считаете?

— Я считаю вот что: вы суете нос в семейные дела, которые вас вовсе не касаются. Пускай Мадлен прихватила вас однажды для послеобеденного развлечения, чтобы забыть о своих супружеских разочарованиях, — но это не дает вам права вмешиваться в частную жизнь посторонних людей. В конце концов, Мадлен моя сестра, и я дорожу ее доверием.

— Тысяча извинений! — поспешил воскликнуть Арман, изобразив на лице самую очаровательную из своих улыбок. — Мое искреннее желание поправить дело и вправду может показаться навязчивым. Простите меня, Ивонна.

Она ответила сдержанной улыбкой, которая нарушила душевный покой большего числа мужчин, чем мог вообразить Арман, наклонилась к нему и слегка притронулась к рукаву его пиджака — Ивонна знала очарование этого жеста.

— Арман, мы знакомы уже несколько лет, и я чувствую, что могу говорить с вами откровенно. Мадлен еще не решила окончательно, но я уверена, что она вернется к Пьеру-Луи, и очень скоро.

— Я буду этому рад. — Теперь он коснулся ее руки.

— А уверена я потому, что прошлой ночью Мадлен позволила мужу остаться с ней.

— Что?! Остаться здесь? И они занимались любовью?

— Я не строю догадок о том, что происходит между женщиной и ее мужем, когда они ложатся в постель после долгой разлуки, — ответила Ивонна с неслыханной даже для нее чопорностью, — но когда я видела сестру утром перед отъездом в Версаль, по блеску в ее глазах я догадалась, что она довольна этим событием.

Свидетельство Ивонны вызвало в сердце Армана ревность — такую неистовую, что он напрочь забыл цель своего визита и больше не думал о том, как заручиться ее поддержкой, чтобы примирить Мадлен с Пьером-Луи. Известие о предполагаемом восстановлении супружеских отношений ничуть его не обрадовало, зато услужливое воображение нарисовало картину: его возлюбленная и его соперник, обнаженные, ложатся в постель. Он отчетливо увидел, как Пьер-Луи ласкает груди Мадлен и целует нежные коричневато-розовые бутоны сосков.

— Вам плохо? — осведомилась Ивонна. — Вы так внезапно побледнели.

Но лихорадочные фантазии уже увлекли Армана к худшему: он представил, как Пьер-Луи своими грубыми руками раздвигает стройные бедра Мадлен, стремясь запечатлеть поцелуй на завитках каштановых волос. И наконец — о ужас! — наваливается на ее гладкий живот и втыкает в ее лоно свой мерзкий прибор!

— Может быть, велеть горничной принести вам стакан воды? — спросила Ивонна то ли сочувственно, то ли с видимостью сочувствия, поскольку догадывалась о причинах замешательства Армана и находила его терзания в высшей степени забавными.

— Нет, благодарю. — Он постарался овладеть собой. — Просто минутная слабость. Накануне вечером я выезжал и, видимо, выпил лишний бокал шампанского. Все уже прошло, уверяю вас.

— Ах, все мы слишком часто развлекаемся по ночам, это вредит здоровью, — понимающе улыбнулась Ивонна, — но нельзя же сидеть дома до полного отупения. Идите сюда, сядьте рядом и расскажите, где вы были вче-

ра вечером. Наверное, на танцах в «Акациях»?

Арман послушно поднялся и присел рядом с нею. Чувства его все еще пребывали в смятении, но он взял себя в руки; кулаки уже не сжимались в бессильной жажде отколотить Пьера-Луи за то, что тот переспал с собственной женой. Он смотрел на Ивонну с плохо скрываемым раздражением, как какой-нибудь старинный деспот, готовый казнить посланника, принесшего неприятную весть. Меньше всего ему хотелось вести светский разговор о танцах в ночном клубе.

— Я поражен тем, что вы позволили Пьеру-Луи остаться здесь с Мадлен на всю ночь. — В его словах слышался упрек. — Я отлично помню, не так давно вы мне рассказывали, как отказались впустить его, чтобы он не расстраивал Мадлен. Это было в тот самый вечер, когда он попросил меня уговорить ее вернуться...

— Времена меняются. — Ивонну задел его тон. — Вчера он не обижал Мадлен, а наоборот, доставил ей удовольствие. Как знать, может быть, он сумел дать ей не только наслаждение, но и любовь. Мне, признаться, трудно понять ваше отношение к Мадлен. Вы как будто досадуете, что она счастлива! И со мной вы ведете себя не слишком любезно; более того, я нахожу ваши манеры просто оскорбительными. Находясь в моем обществе, вы только и думаете о взаимоотношениях Мадлен с ее мужем, а на меня совсем не обращаете внимания!

— Ах, прошу прощения! — Арман опешил от мысли, что может произвести на нее дурное впечатление. — Наверное, мне лучше уйти?

Ивонна слегка придвинулась к нему и положила руку ему на бедро.

— Нет, я вам не позволю уйти отсюда в дурном настроении. — Теперь она обращалась к Арману с чарующей улыбкой. — Я, конечно, понимаю, что вы должны были почувствовать, узнав, что вашему роману с моей сестрой приходит конец. Она очень привлекательная женщина, и вы наверняка привязались ней. Нетрудно понять и ее интерес к вам: вы очень недурны собой и на редкость милы — когда вы в духе.

Тщеславный Арман был падок на лесть — на этом-то и строился расчет Ивонны. Ее рука переместилась по его бедру лишь на долю сантиметра, но он ощутил тепло ладони сквозь тонкую шерстяную ткань.

— Мужчины с черными вьющимися волосами и карими миндалевидными глазами действуют на меня неотразимо. — Ивонна вздохнула. — Но опыт подсказывает, что внешность — еще не все. Возьмите книгу: она может иметь роскошный переплет из дорогой кожи, золотой обрез — и оказаться такой скучной, что читатель заснет на первой же странице. Вы красивый мужчина, мой дорогой Арман, но хороший ли вы любовник?

— Честь имею сообщить, что ни одна из знакомых мне дам ни разу не пожаловалась, — ответил он, не сдержав горделивой улыбки.

Скосив глаза, он наблюдал за рукой Ивонны на своем бедре — она уже не лежала неподвижно, а весьма уверенно продвигалась вверх, туда, где быстро креп его неугомонный приятель.

— О, я не сомневаюсь, что сестра вами довольна. Но ведь она так неопытна, единственный мужчина, кого она могла с вами сравнить, — ее муж. А Пьер-Луи, как я подозреваю, очень банален в постели. — Она слегка повернулась к Арману, подогнув вытянутые ноги и тесно сжав колени. Лицо ее было спокойно, но розовый кончик языка показался меж приоткрытых губ, левая рука поднялась, и кончики пальцев прижались к карманчику с монограммой. Небрежным жестом, будто поднимая руку к прическе, она погладила свою грудь под пижамой. — Судя по выражению вашего лица, вы хотели бы ласкать меня так. Вы, возможно, притязаете даже на то, чтобы просунуть руку под жакет!

Арман уже позабыл все свои опасения насчет Ивонны, тем более что жизнерадостный дружок все настойчивей напоминал о себе.

— О, я был бы польщен... — Он потянулся к Ивонне, но та оттолкнула его свободной рукой и велела сидеть смирно.

— Но... — Арман замялся.

— Потрудитесь выражаться членораздельно, — предупредила она. — Косноязычные мужчины в высшей степени скучны.

— Дело не в том, Ивонна, что мне не хватает слов. Я не вполне понял ваши намерения. Вы потрясающая женщина, вы сами это знаете, и я сгораю от желания заключить вас в объятия...

— Разумеется, сгораете, — отозвалась она с безмятежным видом, меж тем как пальцы блуждали по груди, зажигая в нем страсть. — Ну и что? Я вовсе не обязана уступать вашим желаниям.

— Но сама природа обязала вас! Вы созданы столь совершенной для того, чтобы наслаждаться радостями жизни во всей их полноте, — возразил Арман с улыбкой, уловив ее настроение.

— Возможно, и так, но я знаю себе цену. Я не какая-нибудь дурочка, которая позволяет походя использовать себя любому, кому придет охота облегчиться. Я красива и очень желанна... Я знаю, какое наслаждение могу дать мужчине, а вы — что вы можете мне дать?

Вместо ответа Арман принялся обеими руками расстегивать брюки сверху донизу. Он делал это не торопясь, но и не мешкая — справился с пуговицами и широко раздвинул края бледно-голубой шелковой рубашки.

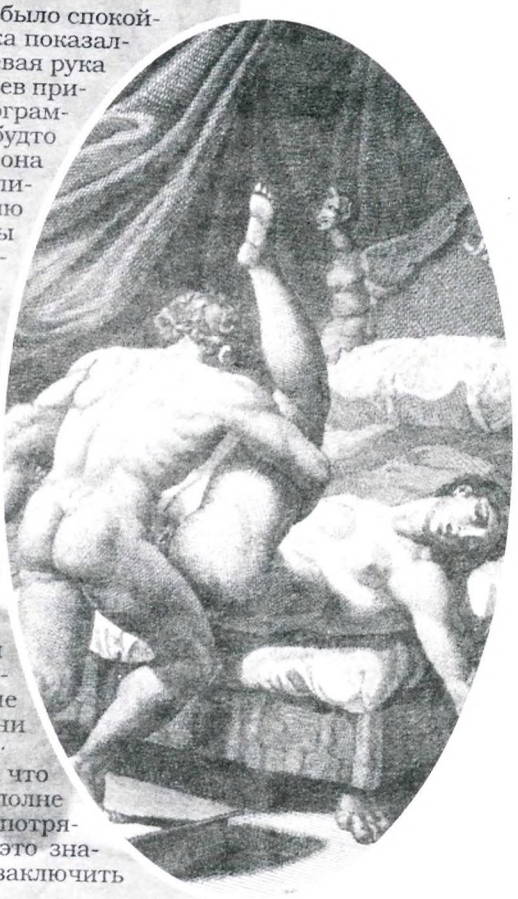
— Вы весьма откровенны! — Ивонна наконец-таки потеряла свою невозмутимость. — Я хотела услышать от вас о вашем умении и опыте в любви — а вы вместо этого обнажились! — Вырвавшийся на свободу жеребец Армана маячил перед ее испытующим взором.

— Бывают случаи, когда силу чувств невозможно выразить словами, — объяснил он.

— Возможно... — Ивонна подняла глаза и посмотрела ему в лицо. Ее брови изогнулись в сдержанном веселье.

— Как вы открыто признали, вы очень красивы и желанны, — продолжал Арман. — Доказательство тому — здесь, в моей руке. Он никогда не лжет! Свое одобрение или неодобрение он выражает со всей прямотой.

— Выглядит он многообещающе, — согласилась Ивонна таким тоном, как будто оценивала фрукты в лавке, решая, купит их или нет. —



Вкусов более несхожих
Не встречал я у людей:
Муж ее — любитель кошек,
А супруга — кобелей.

Я люблю мою соседку,
А соседка жмурится.
Поведу ее в беседку,
Чтобы не на улице...

Размер вполне удовлетворительный, и кажется он крепким... в данный момент. И этот темно-красный, почти пурпурный тон живой страсти — он всегда так волнует меня...

Разумеется, Арман был согласен с каждым словом, сказанным ею при осмотре его верительных грамот. Он сидел, широко расставив ноги, и наливался гордостью от восхвалений. Вот уж действительно проницательная женщина, думал он, быть может, способная оценить его достоинства лучше, чем Мадлен!

— Но увы, — продолжала Ивонна с оттенком пренебрежения, — всему миру известно, что эта часть мужского тела бывает до крайности неразборчива в тот момент, когда увеличивается в размерах. Ни красота, ни утонченность не имеют значения для этого пирата: стоит любой кухарке средних лет нагнуться, задрав подол, — и он стремглав рвется к тому малопривлекательному предмету, который находится у нее между ног.

— Если ваш опыт общения с мужчинами именно таков, я вам от души сочувствую, ибо ваши знакомые недостойны вас... — По правде говоря, Арман знал, что эти слова — истинная правда.

— А себя вы считаете достойным, не так ли? Вы не такой, как другие, вы лучше понимаете истинные ценности, да?

— Коротко говоря — да, хоть я и не хотел бы хвастаться. — Арман с улыбкой следил, как ее длинные пальцы скользят вверх, к его восставшей плоти. — Едва я достиг возраста, когда стал увлекаться женщинами, в интимные друзья я выбирал только лучших из них. Другие мужчины, возможно, не преследуют столь высоких целей, но я чувствую потребность любить тех женщин, которые отмечены красотой и утонченностью, говоря вашими же словами.

— Похоже, у нас с вами много общего, — улыбнулась Ивонна. — Но как вы думаете, Арман, не бывает ли поиск лучшего порою утомителен, не ведет ли он к разочарованиям? Поначалу кажется, что партнер на удивление полно отвечает самым сокровенным твоим желаниям, а затем выясняется, что он не способен порадовать ни твою плоть, ни твою душу. Бесконечные поиски совершенства могут довести до отчаяния. — Теперь она крепко держала мужской жезл, похоже, решив воспользоваться его силой и твердостью.

— Ваши слова совершенно справедливы. Подобно художникам, мы стремимся к недостижимому совершенству, но, сколько бы нам ни выпало разочарований, от цели мы не откажемся.

— Как хорошо вы говорите, — вздохнула Ивонна. — Я начинаю верить, что вы можете оказаться достойны меня. По крайней мере, вы заслужили возможность показать, насколько хорошо вы меня понимаете.

Она отпустила его и сняла через голову свой белый шифоновый жакет — пуговицы на нем были лишь украшением и не расстегивались. Под жакетом была тонкая сорочка из молочно-белого шелка с глубоким вырезом, обнажавшим ложбинку между грудей. Тонкие бретельки удерживали ее на изящных плечах. Арман замер от восхищения, а Ивонна меж тем высвободила подол сорочки из брюк и сбросила ее, оставшись обнаженной до пояса. Он впился взглядом в ослепительные холмики, чью крутизну еще сильней подчеркивали выступающие соски соблазнительного коричневато-розового оттенка.

— Нам не помешают... здесь? — выдавил Арман.

— О нет, слуги обучены не беспокоить меня, когда я уединяюсь с близким другом. Дети на прогулке с няней, а Мадлен, как вы знаете, уехала на весь день.

Ивонна ни словом не вспомнила о своем муже. Жан-Роже бывал на этой квартире лишь наездами, и сегодня, судя по ее молчанию, она не ждала супружеского визита вежливости.

— Итак? — Она казалась раздосадованной тем, что Арман не выказал восхищения ее красотой. — Надеюсь, вы не думаете, что я разоблачаюсь перед каждым визитером?

Арман был глубоко польщен происходящим: ему удалось так воздействовать на Ивонну, что она обнажилась перед ним в собственной гостиной! И она, отбросив свою обычную прохладную сдержанность, соглашалась видеть его здесь, в этом белом атласном кресле, в распахнутых брюках, с торчащим вверх орудием страсти. Арман был достаточно самонадеян, чтобы поверить, будто ему первому удалось склонить Ивонну к такой интимной непринужденности за порогом спальни.

К тому же его чрезвычайно развеселила досада Ивонны оттого, что он тут же не упал на колени, умоляя позволить ему покрыть поцелуями обнаженную грудь. Он собирался подыграть ей в ее игре, сохраняя самообладание — по крайней мере внешне, потому что его возбужденный приятель весь дрожал, молчаливо домогаясь своих природных прав.

— У вас самая восхитительная грудь в мире, — сказал Арман с чарующей улыбкой. — А нежный молочный оттенок кожи так изысканно контрастирует с зеленью ожерелья. Я в высшей степени польщен тем, что вы мне позволили, просто подавлен вашей щедростью!

— В самом деле? — Ивонна все еще проявляла недовольство тем, что единственным откликом на ее обнаженные прелести были слова. — Но он, я вижу, ничуть не подавлен. — Тут она впервые сжала предмет упрека всей ладонью и принялась поглаживать быстрыми, нервными движениями.

— Дорогая Ивонна, вы ставите меня в трудное положение, — пробормотал Арман, пытаясь сохранить видимость спокойствия, хотя прикосновения Ивонны вызывали в нем сладострастную дрожь. — Всего минуту назад вы утверждали, что тот член тела, который вы держите в руках, не видит различий между красавицей-аристократкой и ее толстой кухаркой, что он одинаково рад войти и к непривлекательной, и к восхитительной женщине. Если бы у меня хватило дерзости признаться, что эта часть моего тела испытывает сумасшедшее желание проникнуть в вас, вы можете подумать, что в моем теперешнем состоянии мне сгодится любая, кто бы ни согласился, пусть даже ваша кухарка. И вы смертельно оскорбитесь...

— Что вы! — воскликнула Ивонна. — Ведь я знаю, что вы пришли в это состояние, увидев мою грудь, значит, вы хотите любви именно со мной. Не беспокойтесь, я поняла вас правильно.

Арман затруднился дать оценку ее логике, но охотно согласился, что именно прелестная грудь Ивонны вызвала в нем страсть к ней — и лишь к ней одной.

— Разумеется, я знаю, какое впечатление производит моя грудь на мужчин. — Ивонна продолжала невозмутимо гладить член Армана. — Я открыла ее для вас, и вот мы видим этот член вашего тела, увенчанный пурпурной диадемой, в наилучшей форме. Вы так взволнованы тем, что я показала вам, что он достиг полной длины и толщины и стал твердым, как ручка от метелки.

— Он еще не в самой полной силе, Ивонна, но... приближается к ней. — Легкая дрожь наслаждения пробежала по животу Армана. — Лучше всего он бывает тогда, когда сокрушительный экстаз заставляет его сжаться и выплеснуть свою радость. Но стоит ли вашим прекрасным карим глазам видеть это — куда большее удовольствие вы можете испытать иным способом.

— Ах, вы и в самом деле настолько самонадеянны, что считаете себя достойным самой интимной дружбы со мной? — Ивонна медленно провела кончиком языка по ярким губам.

— Вы одна вправе решать, кто этого достоин. — Арман по-прежнему с огромным трудом сохранял беззаботный вид, но чувствовал, что вот-вот выйдет из роли и будет умолять Ивонну о снисхождении.

— Я еще не решила окончательно, что с вами делать, Арман...

Ему показалось, что дыхание Ивонны участилось, а щеки слегка порозовели.

Как бы то ни было, он протянул руку и принялся ласкать ее груди, перекатывая между пальцами их торчащие кончики. Ивонна не оттолкнула его и не воспротивилась, когда он, наклонившись, коснулся их языком. Услышав ее вздох, он просунул ладонь меж ее бедер и стал их ласкать сквозь тонкий шифон. Вскоре она задрожала от удовольствия, и рука Армана устремилась под одежду, но тут Ивонна прошептала: «Подожди минутку!»

Он выпрямился и смотрел с бешено бьющимся сердцем, как Ивонна расстегивает две пуговицы сбоку у пояса брюк. Подцепив длинными пальцами белоснежные трусики, Ивонна спустила их вместе с брюками до щиколоток безупречно гладких ног — и Арман громко вздохнул от восхищения. Вскочив с кресла, он опустился на одно колено на ковре и снял с ног Ивонны мягкие туфельки, а потом помог ей освободиться от упавшей одежды.

Колени ее по-прежнему были плотно сжаты, так что Арман мог видеть лишь завитки каштановых волос под животом, где сходились бедра. Взяв в ладони оба колена, он решительно их раздвинул, открывая главное сокровище Ивонны. Кудряшки подлиннее, чем у сестры, отметил он про себя, а вид продолговатых темно-розовых лепестков заставил его судорожно вздохнуть от вожделения. Ивонна застыла на миг, позволяя созерцать себя, а затем подняла босую ступню с высоким подъемом; пальцы с ноготками, сияющими алым лаком, потерлись о лафет трепещущего орудия страсти.

— Погляди-ка, он еще окреп, как только я избавилась от трусиков. Но больше он уж, верно, не станет?

— Станет, — нетерпеливо выдохнул Арман. — Когда войдет в тебя! Тогда ты почувствуешь всю его мощь — и испытаешь блаженство!

Эти слова еще больше возбудили Ивонну. Дыхание ее участилось, рот приоткрылся, а веки томно опустились. Арман поднес к губам ее ступню, держа за щиколотку, и перецеловал все пальчики. Едва он отпустил ее, Ивонна сжала обеими босыми ступнями его истомившегося дружка и стала медленно водить вверх-вниз.

— Когда войдет в меня? — переспросила она, удивленно приподняв брови. — Но об этом я ничего не говорила. Я еще не решила насчет вас, Арман. С чего вы взяли, что вам будет позволено затолкать в меня столь заурядный на вид предмет?

— Заурядный?! Минуту назад ты сказала, что находишь его потрясающим.

Ивонна повела плечами, груди встрепенулись.

— Может быть, я что-то такое и сказала из вежливости, но вы наверняка не так наивны, чтобы верить всему, что говорится. Прошу вас уяснить, что я повидала предостаточно таких мужских игрушек и знаю, о чем говорю. Надо отдать вам должное, ваша — несколько больше средних размеров, но это еще ничего не значит.

— Ваши слова напомнили мне о моем дяде Анри, — мягко сказал Арман, вздрагивая от прикосновения босых ног Ивонны. — Думаю, вам приходилось с ним встречаться. Он большой знаток вин. Завяжите ему глаза и дайте всего один глоток из бутылки без этикетки — он безошибочно назовет местность, виноградник и срок выдержки. Увы, за годы прилежного дегустирования он сделался настоящим экспертом, но утратил способность наслаждаться вином. Его внимание приковано к определению вкусовых оттенков и сравнению с другими винами, которые ему приходилось пробовать. Он пьет вино без удовольствия.

— По-моему, ваша игрушка еще подросла, — заметила Ивонна, никак не откликнувшись на эту маленькую притчу. — Вы расписали мне, какой вы превосходный любовник, и я, естественно, хочу посмотреть на то, что — как вы рассчитываете — должна буду принять в себя. Я привыкла иметь все самое лучшее, так что не рассчитывайте меня провести. Если я, паче чаяния, пойду на риск и разрешу вам продолжить, я вправе рассчитывать на подтверждение ваших обещаний.

— С величайшим удовольствием, — пробормотал Арман. — Вам не придется жалеть.

Он раздвинул ее щиколотки и, стоя на коленях, приблизился к Ивонне настолько, что самая нетерпеливая часть его тела дерзко уперлась в ее теплый живот. Его руки скользнули вверх, к раскинутым бедрам, и он хотел было уже вонзиться в нее, но Ивонна прикрыла рукой темно-каштановые завитки, преграждая ему путь.

— Только не так, — сказала она строго. — Это плохое начало, Арман. Я люблю наслаждаться ощущением мужского тела на мне, лежа на спине. Возможно, я покажусь старомодной в этом пристрастии — я слышала, современные девицы предпочитают распластать мужчину на постели, а самой усесться сверху. Но я не люблю таких вещей. Полнее всего я ощущаю себя женщиной, когда сильный муж-

Милка издали мне: здрась!
Загорелась во мне страсть,
Я бегу наперерез
С грундой наперевес.

Женщину я встретил, братцы,
Мощную, дебелую, —
Ничего, глаза боятся,
Руки дело делают...

чина подминает меня под себя, когда он лежит между моих ног, и я вся в его власти.

Повернувшись, Ивонна растянулась во весь рост на белом кресле. Руки она заложила за голову, словно в знак полной капитуляции, но стройные ноги по-прежнему были плотно сжаты. Арман поднялся на ноги, снял синий в полоску пиджак и галстук-бабочку — для удобства в предстоящей сладостной битве. Ивонна улыбалась ему, но не нежной улыбкой женщины, ждущей, когда любовник возьмет ее в объятия и вознесет к вершинам наслаждения. То было вежливое выражение ободрения, с каким женщина смотрит на продавца, помогающего ей примерять туфельки.

Увидев, что Арман готов к атаке и сжимает в руке свое несокрушимое орудие с побагровевшей обнажившейся головкой, Ивонна нарочито медленно развела бедра. Арман смотрел, как они расходятся в стороны на белом атласе. Постепенно все открылось его взгляду: вначале темно-каштановое руно, затем нежный пах, где волосы росли не так густо, и наконец продолговатый желобок в ее плоти. Он всхлипнул от восторга, а ноги продолжали раздвигаться, сантиметр за сантиметром...

Гибкость Ивонны в позе любви поразила его: она развела ноги шире, чем он полагал возможным для любой женщины, кроме танцовщицы канкана из Фоли-Бержер или цирковой акробатки. Когда колени Ивонны оказались на уровне краев кресла, она спустила на пол босые ступни. Арман опустился на колени между ее раздвинутых бедер, почти потеряв голову при виде удлиненных розовых губ, так широко раскрытых в этом положении, что хорошо был виден секретный бутон, влажный и набухший.

Больше Ивонна не рассуждала о том, достоин ли Арман войти в этот приют любовного томления. «Иди ко мне, — прошептала она, — ты за этим сюда явился!» Разумеется, она ошибалась — утром, придя к ней с визитом, Арман был далек от мысли заняться с ней любовью, но Ивонна в своей самоуверенности считала, что первейшей жизненной целью любого красивого мужчины должно быть поклонение ей и стремление овладеть ею. Но сейчас Арман вовсе не собирался оспаривать ее убеждений — в мгновение ока он оказался на ней и нетерпеливой рукой направил свое оружие.

— О! — вскрикнула Ивонна, когда его натиск достиг цели, но было ли это выражением удивления, неодобрения или удовольствия, Арман не мог понять. Только что Ивонна настаивала на том, что предпочитает лежа на спине принимать на себя тяжесть мужчины, чтобы отдаться ему во власть, — но в следующее мгновение произошло нечто совсем иное. Раскрывшись невероятно широко и вобрав его в себя, она подняла с пола стройные ноги и сомкнула их на спине Армана, словно стальной капкан, так что в действительности именно он оказался беспомощным пленником.

Она двигалась под ним, жаркое лоно охватывало его напряженную плоть и скользило вдоль быстрыми, нервными толчками. Арман немедленно включился в действие, погружаясь и выходя обратно, но тут Ивонна плотнее стиснула ноги у него на пояснице и руки на лопатках, так что он оказался обездвижен. Ивонна удерживала его; живот Армана прижимался к ее животу, а его грудь расплющивала ее твердые соски. «Лежи тихо, Арман!» — отрывисто прикрикнула она.

Он мог разомкнуть объятие только силой, потому не оставалось ничего иного, как повиноваться, пока Ивонна, находясь внизу, делала с ним все, что хотела. Не то чтобы это было важно — результат был тот же самый, как если бы Арман был активным партнером, а она оставалась пассивной.

Чувства Армана уже вознеслись в бурном крещендо, приближаясь к апогею, когда вдруг его поразило выражение лица Ивонны. Взгляд ее темно-карих глаз остекленел, губы растянулись в неподвижной холодной усмешке; она, очевидно, не осознавала, где находится и с кем.

Оргазм Ивонны наступил легко и быстро. Лицо свела судорога, рот раскрылся так широко, что улыбка превратилась в гримасу, обнажая все зубы, руки стиснули Армана так, что он едва не задохнулся. Она мостиком выгнула над креслом узкую спину, увлекая Армана в себя на предельную глубину — ощущение было столь пронзительным, что он немедленно излил в нее свою страсть.

Но наслаждение Ивонны миновало так же быстро, как пришло. Она развела руки, сжимавшие Армана, и, взяв его запястье, повернула так, чтобы взглянуть на часы. Он еще содрогался в последних волнах экстаза, когда она оттолкнула его от себя.

— Я не думала, что прошло столько времени! — Она выскользнула из-под него с проворством, выдававшим немалый опыт.

Арман повернулся на спину и, нацелившись в потолок все еще напряженным, мокрым клинком, стал наблюдать, как Ивонна, стоя спиной к нему и демонстрируя упругую маленькую попку, надевает белье.

— Не пойму, к чему такая спешка?

— Потому что в час дня у меня завтрак с герцогиней де Бомарше и еще несколькими друзьями — и всего пятнадцать минут на то, чтобы восстановить разрушения, произведенные вами, наложить новый макияж и одеться, прежде чем я исчезну!

— Жаль, что мне не удалось удержать ваш интерес ко мне дольше нескольких мгновений, — ответил Арман с величайшим неудовольствием, вставая, чтобы застегнуть брюки и повязать галстук.

— Что? Не говорите глупостей, Арман, — это было очень мило.

— И только? — Он был взбешен ее бесцеремонностью. — В таком случае не стану вас больше задерживать.

Он дошел уже до середины салона, надевая на ходу пиджак и дрожа от негодования, когда Ивонна догнала его и остановила, обвив руками его шею. Она успела надеть трусики и сорочку, но пижаму держала в руке; он ощутил на щеке мягкое прикосновение шифона.

— Не будьте же таким обидчивым, мой дорогой, иначе нам никогда не стать добрыми друзьями. Сожалею, что мне приходится так быстро покинуть вас, когда мы только начали узнавать друг друга, но об этом завтраке я договорилась больше недели назад, и было бы в

высшей степени невежливо отказываться перед самой встречей. Вы ведь понимаете?

Она стояла так близко, что Арман чувствовал кончики ее грудей под тонкой сорочкой и вдыхал ароматное тепло ее тела, смешанное с запахом дорогих духов. Это так раздразнило его чувства, что он не смог удержаться. Он просунул руку под сорочку и захватил пригоршней теплую плоть ее живота, движимый отчасти желанием, но отчасти и гневом. Вслед за тем его рука проникла в трусики, нащупала густое руно и стала ласкать влажные лепестки.

— Нет... мне в самом деле нужно идти, — прошептала Ивонна, касаясь губами его щеки. — Я опоздаю из-за вас.

Но пальцы продолжали свое дело в скользком тепле устья, и Ивонна, выгибая тело, прильнула к нему животом.

— Вы не должны... — Но босые ноги на ковре приняли позицию, словно подсказывающую Арману, что он должен.

И он продолжил: стоя на белом пушистом ковре посреди салона, поимел Ивонну (как отметил позже с большим удовлетворением) точно так же, как она имела его на кресле. Искусными пальцами он дразнил секретный бутончик, а она вздыхала, прислонясь к нему, с затуманенным взглядом прижималась щекой к его щеке. Потом, гораздо скорее, чем он ожидал, негромко вскрикнула и обмякла. Но лишь на мгновение — почти тут же она шагнула прочь и стала надевать брюки.

— Я приеду к вам сразу после завтрака. — Она послала Арману улыбку, которая могла означать и прохладное расположение, и вежливую отстраненность. — Ждите меня после трех.

Направляясь к Елисейским полям в поисках подходящего ресторанчика, Арман, однако, был не в восторге от того, как провел утро. Ивонна была из тех бесцеремонных женщин, которые беззастенчиво используют мужчин для удовлетворения своих потребностей, даже не скрывая этого, — и Арман значил для нее так же мало, как и сотни других, с которыми она занималась любовью. Сотни? Быть может, и тысяча — кто знает...

Арману удалось отчасти восстановить справедливость, когда он рукой довел Ивонну до экстаза и при этом наблюдал за выражением ее лица, но обида до сих пор не проходила. И дело было не только в Ивонне, хищнически овладевшей им с той же беззаботностью, с какою она выкуривала сигарету.

В конце концов он пришел к глубоко обескуражившему его выводу, что судьба его — быть жертвой злокозненных женщин. Прекрасная внешность, модный гардероб, наконец, талант в любовной игре, — увы, все эти качества, похоже, меньше способствовали успеху Армана у хорошеньких женщин, чем его беззащитность. Стоило соблазнительнице бросить взгляд на него — и она уже знала, что этого мужчину можно использовать как угодно, достаточно обнажить перед ним свой бюст и разрешить целовать его.

Ивонна употребила его, чтобы поразвлечься часок перед завтраком. Ее сестра Мадлен употребила Армена для мести мужу. Арман этого долго не понимал; лишь известие, что она провела ночь с Пьером-Луи, открыло ему глаза. Сюзетта искала замену Пьеру-Луи, у которого была на содержании. И Доминика тоже использовала мужчин для своих целей... правда, с ней было так весело, что ее можно простить. А все прежние подруги, обожаемые Арманом и уверявшие, что обожают его?..

Эти мысли раздосадовали Армана — как всякий мужчина, он хотел быть любимым за свои достоинства. Когда в середине дня Ивонна приехала к нему на квартиру, она была в приподнятом настроении после превосходного завтрака и беседы со своими знатными друзьями. Арман пребывал в совершенно ином расположении духа. Мрачные размышления о том, что он из-за собственных пристрастий становится легкой добычей женщин, приводили его в циничное настроение.

«Если они таковы, — сказал он себе, — что ж, тем хуже для них! Я буду поступать, как они: брать, ничего не давая!»

Преисполнившись хладнокровия, Арман с бесстрастной вежливостью поцеловал руку Ивонны, будто они не виделись давным-давно, а нынешнего утра вовсе не было; будто никогда Ивонна не раздевалась перед ним в собственной гостиной и он не наслаждался ее стройным телом. Арман помог ей снять пальто с меховым воротником и, ни слова не говоря, повел прямо в спальню.

Для завтрака с герцогиней Ивонна оделась в короткое простое платье из серовато-зеленого бархата, с узкими рукавами, украшенными кружевом, и глубоким декольте, подчеркивающим замечательную стройность ее фигуры. Неяркий тон материи оживляли плоские пуговицы из слоновой кости, тянувшиеся в ряд от выреза до кромки платья. Другим украшением служили подобранные в пару брошки в виде больших бабочек. Бриллиантовые насекомые с глазами-изумрудами присели на остриях ее сосков.

Она снисходительно наблюдала, как Арман снимает пиджак; яркие губы приоткрылись, чтобы сделать замечание о недостатке тонкости и неуместной прямолинейности. Но колкость так и осталась у нее на губах, а лицо приняло негодующее выражение — Арман, наклонившись, подхватил ее под коленки и бросил навзничь в изножье кровати.

— Что вы делаете, черт побери? — вскричала она, вмиг утратив сдержанность, когда Арман втиснулся между ее ног. Игнорируя кокетливую застежку платья, он попросту задрал подол. Белые атласные трусики Ивонна сменила на прозрачные черные.

— Дорогая, вы надели для меня самое потрясающее белье! — Арман не обращал внимания на возгласы протеста, гладя бедра Ивонны над краем черных шелковых чулок. — Как шикарно оно выглядит!

Чтобы удержать Ивонну в беспомощном положении на спине, он поднял ее ноги кверху и, обхватив их одной рукой, крепко прижал к груди. Она отчаянно стремилась освободиться, выкрикивая ругательства; от усилий ее маленькая круглая шляпка слетела с волос и покатилась по постели. Не обращая внимания на крики, Арман подтянул ее ноги еще выше, приподняв ей зад, и стащил с нее хорошенькие трусики.

Держа Ивонну за щиколотки, он забавлялся с ней, медленно разводя ее ноги, так что его

Я купалась и пилоткой
Села прямо на подлодку,
Капитана обниму
И уйду на глубину!

Ты красавица что надо,
Но слегка сутулоата,
А раздевалась и прогнулась —
Куда делася сутулость!

восхищенному взору открывались темные завитки и розовые губки, и еще медленнее сдвигая вновь. Когда он опять обнажил ее прелести, Ивонна крикнула, покраснев от злости:

— Не смейте, прекратите немедленно!

— Ах, вам не терпится увидеть орудие вашего и моего наслаждения, — крепко обнимая одной рукой ее ноги, Арман расстегнул и спустил брюки. Его возбужденный приятель рванулся вперед с такой прытью, что мигом уперся в нежные ляжки Ивонны.

— Нет! — задыхалась она, но Арман, придерживая ее за щиколотки, снова слегка раздвинул ей ноги, чтобы продемонстрировать свою выпирающую гордость.

— Сегодня утром, у вас на кресле, я был поражен великолепной грацией, с которой вы раздвигали для меня ноги. Я должен еще раз увидеть, как вы это делаете.

Медленно-медленно — разумеется, против воли Ивонны, продолжавшей сопротивляться, — он разводил ее ноги, размышляя, как далеко можно зайти, чтобы не разорвать ее пополам. Руки Армана, сжимавшие ее щиколотки, уже были раскинуты до предела на уровне плечей, а Ивонна все еще не выказывала признаков страдания, хотя вид у нее был до предела возмущенный. В этой позе тонкие лепестки ее цветка широко раскрылись; Арман, согнув колени и наклонившись, приблизил к ним пурпурную головку. Медленный толчок — и он очутился внутри, а Ивонна издала пронзительный вопль протеста.

— Утром вы говорили, что обожаете лежать на спине, в беспомощном положении, — заметил Арман, проталкиваясь глубже. — Ну как, Ивонна, сейчас вы чувствуете себя достаточно беспомощной?

Она попыталась согнуть ноги и прикрыть уязвимое место, но Арман силой удерживал их выпрямленными.

— У вас очень красивые ноги, — пробормотал он, медленно сводя их вместе, — длинные и восхитительной формы. А эти стройные бедра, продолговатые икры и тонкие щиколотки! Нежный цвет вашей кожи, просвечивающей сквозь шелк, — ах, это само совершенство!

— Пустите же меня! — взмолилась Ивонна. Комплименты несколько умерили ее ярость. — Пустите, и тогда мы останемся друзьями.

— О, мы непременно останемся друзьями, — заверил Арман. — Разве кто-нибудь когда-нибудь так любил ваши ноги, Ивонна? Не мне ли принадлежит честь быть первым?

Вряд ли они сознавали, насколько комичное зрелище оба представляли собой в тот момент: Арман в спущенных до щиколоток брюках, с голым задом, судорожно пляшущим над ее нежным лоном, и Ивонна, обнаженная от талии до верхнего края чулок, с беззащитными ягодицами, прижатыми к животу Армана, с ногами, задранными по обе стороны его головы. Выше пояса ее прелести были скромно прикрыты облегающим платьем с бриллиантовыми брошками. Широко раскрытые руки были стиснуты в кулаки: все происходило не так, как ей было угодно.

Арман объявил о своем намерении заняться любовью с ее ногами, — каким бы странным ни казалось это намерение. И в самом деле, прикосновения к скользкому шелку чулок неимоверно возбуждали его. Повернув голову, он жадно припал губами к тонкому черному шелку, и Ивонна сквозь ткань ощутила на икре его влажный язык.

— Вы с ума сошли! Пустите меня, извращенец!

Тихо застонав от наслаждения, Арман усилил свои ритмичные толчки, наращивая темп и заставляя ноги Ивонны вздрагивать, отзываясь на его порывы. Сняв с нее остроносую черную туфельку, он поднес к лицу ступню Ивонны и осыпал ее поцелуями сквозь легкий шелк. Возбуждение Армана грозило перейти в безумие, пылающий живот еще сильней прижался к упругим ягодицам Ивонны, движения стали неистовыми.

— О Ивонна, любовь моя! — выдохнул он в последнем усилии.

— Нет! — взвизгнула она, видя, что Арман на грани оргазма. — Не смей! Я так не хочу!

Но протест ее опоздал, даже если бы Арман пожелал внять ему. Содрогаясь и пылая, он вонзался в нежную плоть с широко раскрытыми невидящими глазами. Он уже не понимал, в чьем теле находится — Ивонны ли, Мадлен или какой-то другой женщины...

— Боже мой! — с отвращением простонала Ивонна, но не успели замереть ее слова, как глаза Армана закатились, тело забилось в конвульсиях, а горячий рот впился в ее правую ступню. — Боже!.. — повторила она, но на этот раз совсем по-другому, потому что оргазм Армана немедленно поверг все ее существо в экстаз, заставив извиваться на постели.

Отдышавшись, Арман снова сжал ее щиколотки, разводя ноги на всю ширину, чтобы полюбоваться своим длинным мокрым орудием, все еще наполовину погруженным в розовое отверстие. Ивонна подняла голову, тоже разглядывая то место, где сливались их тела, но на ее хорошеньком личике читалось одно лишь неудовольствие.

— Все было, по-моему, очень мило, — небрежно бросил Арман, повторяя ее слова, сказанные утром.

— Грязное животное! — голос Ивонны мог бы сковать льдом целую реку. Она попробовала высвободиться, но Арман не отпустил ее, и она оставила попытки.

— Я любил вашу правую ножку, и это было восхитительно. Прежде, чем вас отпустить, я доставлю себе удовольствие и займусь любовью с ее сестричкой — поступить иначе было бы просто невежливо. Но до этого сделаю с вами кое-что еще.

Он выпрямился, извлекая из Ивонны свое обмякшее орудие, зажал ее колени под мышками и запустил в нее пальцы, лаская секретный бутончик.

— Нет! — вырвалось у нее. — Сегодня утром вы уже проделали это со мной...

— И это было восхитительно, — ответил он, погружая пальцы во влажную чашечку цветка. Ивонна задрожала всем телом. — И я намерен несколько раз получить ваш маленький ответ на мою заботу, прежде чем займусь левой ногой. Лежите смирно и наслаждайтесь, Ивонна. Все равно вы не в состоянии меня отвергнуть...

Перевод с английского
Марины ТУРОВСКОЙ

Фото Олега БЕЛОУСА

лель-ревю

Сцена арабских ночей

О том, как некий шах заставил ревнителя закона принять участие в пиршестве, и о том, как законовед опьянел

Руми

В своих покоях шах с гостями пил,
Факих учёный мимо проходил.

О том узнал властитель и спьяна
Велел позвать его и дать вина.

И стражники ввели факиха в зал,
Но пить факих не стал и так сказал:

«Уж лучше яд вкусить, а не вино,
Что пить Аллахом нам запрещено!

Избавит яд меня по крайней мере
От общего безбожья и безверья!»

Такой своей строптивостью факих
Прогневал шаха и гостей хмельных.

«Эй, кравчий, — шах сказал, — ты для начала
Дай чашу, чтобы дурь его пропала!

Налей вина поболе, чтобы гнев
Умерил наш законник, захмелев!»

«Не шутит шах», — смекнул законовед
И принял чашу, и другую вслед.

И после он, чтоб не было раздора,
Стал пить и опьянел легко и скоро.

Вина вкусил законовед довольный
И шуткой согрешил довольно вольной.

И тут ему, хмельному, на беду,
Приспело справить малую нужду.

На время он покинул шахский зал
И на пути служанку повстречал.

Она — творенье чудное Аллаха —
Была, быть может, из наложниц шаха.

Но страсть людей хмельных сильней, чем страх.
Законнику хмельному — шах не шах.

И разум, и душа, и члены тела —
Все возбудилось в нем и загудело.

Красавицу факих, который запил,
В объятья заключил, верней — облапил.

Она, хоть и дичилась, всё же страсть,
Что в нём таилась, ей передалась.

В руках мужчины женщина до срока —
Как тесто под руками хлебопёка.

Он то сжимает всё в одном куске,
То вновь раскатывает на доске.

И тесто благодарное нет-нет
Да и причмокнет пекарю в ответ.

Водой он покропит, прибавит соли,
И тесто вдруг замрет от сладкой боли.

Сливаются, забыв свои печали,
Тот, кто искал, и та, кого искали.

Сливаются в одно мужья и жены,
И тот, кто победил, и побеждённый.

И в этом предначертано заране
Единство облика и содержанья.

Мы с вами знаем: разные причины
Толкают жён в объятия мужчины.

И та, что муж женою вводит в дом,
Дается, словно золото, взаём.

Добро ли зло от мужниных щедрот
Аллах ему сторицею вернёт.

Так что ж случилось? Страстью обуян,
Забыл законник свой высокий сан.

И от огня, что страсть его питала,
Его желаний вата воспылала.

Слились два тела, задрожав в бессильи,
Как птицы, коим головы срубили.

Им боле дела не было до пира,
До гибели и до иного мира.

Они слились, и каждый ликовал,
Найдя в другом блаженство, что искал.

Тем временем властитель спохватился:
«Где наш законник? Может, заблудился?»

И шах со свитой всяческого люда
Пошел — и что увидел? Действо блуда!

Но нет, факих не пал во прах с повинной,
Он побежал назад за чашей винной.

А шах — за ним вослед и сгоряча
Хотел уж было кликнуть палача.

Но, видя шахский гнев немилосердный,
Законник закричал: «О кравчий верный!

Налей вина поболе, чтоб свой гнев
Умерил наш властитель, захмелев!»

Шах засмеялся, перестал сердиться,
Сказал: «Бери, факих, твоя девица!»

Перевод Жаума ТРЕБЖЕВА

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ В ПОСТЕЛИ

Александр Борисович — видный человек. Однако то, чем он занимается, сразу определить-то и не получается. Сводник? Международный сводник? Международный сводник экстракласса? Но все сложнее, чем звучит. Александр Борисович работает уполномоченным одной из зарубежных компаний. Эта предприимчивая фирма поставляет на заказ любовников для страстных женских сердец, которые, конечно, способны оплатить свой относительно дорогостоящий каприз. Похоть похотью, однако, может быть, встреча с уполномоченным поможет прояснить вопрос, что же ищут женщины и что способно удовлетворить их в мужчинах. В сексуальном плане.

— Я работаю в Украине вот уже пятый год, — рассказывает Александр Борисович, — и ни один из моих десяти выпускников не вызвал нареканий со стороны клиенток. В этом году появятся очередные четыре выпускника.

— Ваша фирма занимается целенаправленной деятельностью на заказ. Чем привлекает ваших заказчиц Украина?

— Скорее всего, своим энергетическим ареалом, в котором могут возникать удивительные мужчины, страстные, нежные, благородные и духовно просветленные.

— О, ваши клиентки требуют не просто статных и породистых мужчин, но еще и духовно одаренных?

— В этом-то и вся специфическая сложность моей работы. Найти в потрясающем убожестве перлы, которые возникают в чудовищном конфликте между их потенциальным уровнем развития и предельным уровнем развития господствующей среды обитания.

— Как вам удается находить подходящих мужчин под заказ в нашей стране?

— Я и сам порой поражаюсь. Но, тем не менее, нахожу. Целенаправленно ищу — и все складывается словно само собой. Должно быть, множество невидимых сил помогают мне в этом процессе. И настолько помогают, насколько я зрел сам и способен осознанно соучаствовать в нем.

— Но а что мужчин привлекает в сотрудничестве с вами?

— Вначале — чисто материальные приобретения. В частности, бесплатно съездить за рубеж, повидать мир и покупаться в неге и роскоши. И безопасно для себя, с величайшими удовольствиями познать волшебный мир женщины. А затем, когда они всё более духовно просветляются, молодые люди открывают для себя радость духовных свершений.

— Через секс? И вы что, набираете только девственников?

— Между нами мальчиками, существует большая разница между культивируемым обыденным сексом и трансцендентным сексом, между девственником, не изведавшим тайн секса, и девственником, овладевающим этими тайнами вначале самостоятельно, а затем и в сотрудничестве с любимой. И наши умудренные девственники уже не боятся оставаться голышом даже с целым миром наедине, потому что они овладели собой полностью, полностью для того, чтобы уже не бояться этого.

— А в ходе подготовки к зарубежному путешествию молодые люди приобретают практический опыт?

— Первой женщиной для наших юношей становится та, к которой они едут. Но даже когда впервые встречаются, по отзывам наших заказчиц, даже опытнейших ловеласов они оставляют своим мастерством далеко-далеко позади себя.

— Почему?

— Во время секса ловеласы разрешают телесные, ну, порой еще некоторые душевные задачи, а наши выпускники, помимо всего прочего, уверенно и властно занимаются духовным творчеством, чутко созидают в невидимом для других духовном мире, утверждают духовную жизнь. Однако как это получается и происходит — на пальцах не объяснишь.

Помимо Александра Борисовича из конфиденциальной зарубежной компании мне удалось встретиться и с не менее конфиденциальными ее выпускниками. Поразился, что каждый из них и не знает о существовании другого. Вернее, может, смутно и догадывается, но не знает точно и наверняка.

«ПЕРВЫМ ДЕЛОМ ОНА ПОЛЕЗЛА РАССТЕГИВАТЬ МОЮ ШИРИНКУ»

Олег, девятнадцать лет, прошлогодний выпускник:

— До сотрудничества с компанией я мог только в онанистических мечтах представить себе, что способен удовлетворять себя и любимых женщин бесконечно. И что женщин этих может быть очень-очень много. Но когда я овладел собой, я понял, до чего же это все просто и... бесполезно. Просто в той же мере, как и умелой женщине несложно удовлетворить множество мужчин. Доводишь женщину до ее особенной эякуляции два-три раза, полностью отключаешь этим женскую сексуальность, — а сам, умело несокрушимый, принимаешься за следующую партнершу. А бесполезно все это — потому что человек удовлетворяется по-настоящему и обогащается не эякуляцией, но оргазмом. В нем-то и удовлетворяешься полностью, потому что чувствуешь себя свободно, окрыленно и способен продолжать до бесконечности. Это равно касается и мужчин, и женщин.

— А как тебе понравился первый гетеросексуальный опыт?

— Я ехал за тысячи километров, знал, что добираюсь к некой чудачке, но что до такой степени.... Правда, недели через две она стала совсем другой женщиной, вполне нормальной и без всяких маниакальных завихрений. Но что это были за две недели...

— В чем заключались ее странности?

— Не ведаю, кого она знала и с кем водилась раньше, но уверен, что в ее сорок три года я был для нее первым мужчиной. И это странно. Ведь большая часть живописных полотен, скульптур, лепных украшений, настенных постеров в ее доме так или иначе относились к обнаженной мужской натуре. А «маленькая интимная комната» представляла собой просторное помещение с громадным количеством всевозможных искусственных приспособлений для удовлетворения страсти. В общем,

женщина была ужасно закомплексованной и зацикленной на самоудовлетворении. Но, даже мастурбируя, она не умела подняться выше истощения своей похоти.

— *Выходит, эта женщина тебя заказала для разнообразия, в виде очередной сексуальной игрушки?*

— Живой куклы-игрушки. И уже с порога первым делом полезла расстегивать мою ширинку; хозяйку перво-наперво интересовали внешний вид и «актуальная длина» «вонючего инструмента» гостя.

— *Хорошие слова для знакомства.*

— Мои фотографии она уже видела и раньше. Но ее интересовало, поступило ли к ней то, за что уже предварительно уплачено. И лишь тогда, когда убедилась в моих актуальных двадцати сантиметрах, улыбнулась мне приветливо и стала по-барски встречать и располагать меня с дороги. Ее начальные слова о «вонючем инструменте» были лишь попыткой скрыть до поры до времени ее безумную тоску по молодому мужчине. Раньше ей приходилось эпилировать даже густые волоски с подбородка, однако через те же две недели ее гормональная система вполне нормализовалась.

— *А что ты еще почувствовал, когда ощутил себя впервые в женщине?*

— Что благодаря приобретенным ранее навыкам и умениям я могу продлевать блаженство до бесконечности и что это все чрезвычайно здорово. Как и то, что я не познал женщину неумелым и неопытным в прежние годы.

«ОНА ЗАПЕРЛА ДВЕРИ И СКАЗАЛА, ЧТО ОТРЕЖЕТ МНЕ ЧЛЕН»

Кирилл, двадцать лет, прошлогодний выпускник:

— Когда Бэтти встретила меня в аэропорту, я удивился ее величине и пропорциям. Ей бы с кувалдой где-то железобетонные сваи забивать, — а она в совете директоров банка. Не оспариваю ее таланта организатора и экономиста, но в интимных делах она была профаном. И весьма агрессивным, несмотря на подготовку.

— *Что ж тут плохого?*

— Вроде ничего. Но с чего все началось? Лично вымыла и продезинфицировала меня с ног до головы, а потом отвела в глухую комнату в подвале, заперла двери, включила музыку и сказала прямо, что если не будет моря спермы и океана оргазма, она меня не спеша кастрирует и отрежет член.

— *Ты тут же стал возбуждать ее и себя раздеванием и поцелуями?*

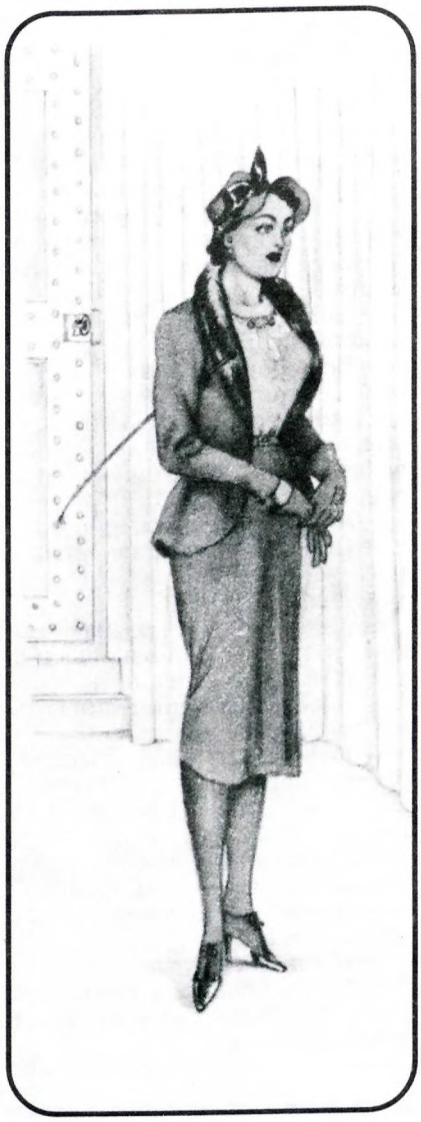
— Мне этого делать не хотелось. А раз не хочется — не будет пылающего огня. Но была бы искра зажечь его, было бы топливо для него. Эти предпосылки к созданию сексуальной магии я в себе ощущал. И я обратился за помощью к тому, чем искусно владел. Сбросил халат, лег рядом с ней и стал умело и разнообразно мастурбировать.

— *Да уж, неординарное решение, чтобы сохранить в себе мужчину. Но как?*

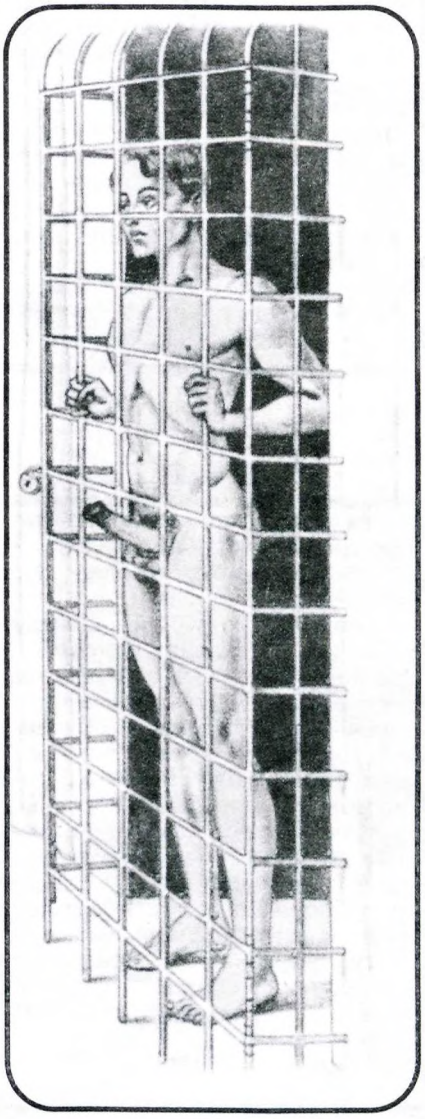
— Бетти приподнялась и стала на меня смотреть, вначале с недоумением, затем все с возрастающим любопытством. Мое хозяйство уже дыбилось во весь роскошный рост и своими действиями накапливало во мне все больше силы и притягательности. И я заметил, как Бетти стала потихоньку мастурбировать себя, пока, распалившись, не сбросила все одежды и не стала стонать и ерзать рядом со мной.

— *Счастливое завершение возникшей проблемы?*

— Минут десять мы дружно провозились каждый с собой рядом друг с другом. А потом я прикоснулся к Бетти, легонько погладил ее грудь. Моя энергетика была столь большой, что Бетти вдруг с величайшим томлением застыла. Но на мгновение. Потом она внезапно встрепенулась и мигом оказалась на мне. И фалл медленно погрузился в нее. Дефлорация для моей любимой оказалась совсем безболезненной. Моя неизвергнутая энергетика позволила Бетти достичь оргазма, лишь только головка



Бернард МОНТОРКЕЙТ. Книжная иллюстрация 1930-х годов



фалла коснулась головки матки. А ей уже хотелось все большего и большего. И мы пошли, полетели в оргазме все дальше и дальше... Благо, было где перекатываться — на той кровати мог бы разместиться целый взвод.

— *А как с эякуляцией?*

— Вначале Бетти доила мои яички легонько и ворковала: «Ну, давай, давай же», принуждая меня кончать. Но когда она ощутила в себе алхимическое преображение при помощи не кончающего фалла, она лишь стонала, плакала, смеялась и впитывала меня всем телом в себя.

— *А что было потом?*

— Бетти была жизнерадостной каждый день. Ее профессиональные дела пошли все лучше и успешнее. Она стала вице-президентом крупной компании. Компания процветает. А я жил у нее еще месяц. После своего первого в жизни оргазма Бетти взяла через несколько дней отпуск и провела его неотлучно со мной, больше не принуждая меня ни кончать, ни заигрывать с нею первым. Затем я возвратился на Украину. А через неделю Бетти примчалась за мной следом — жить без меня она уже не могла. Как и я без нее. Сейчас я в Киеве, чтобы забрать маму и больше сюда не возвращаться.

— *Совсем?*

— Разве что затем, чтобы когда-нибудь показать его своим детям и внукам.

«ЕЙ 72 ГОДА, Я ГОЖУСЬ ЕЙ В ПРАВНУКИ»

Святослав, девятнадцать лет, прошлогодний выпускник:..

— Жанни, пока я полностью не вошел в нее, так и не могла поверить, что такой юный и прекрасный «казак» дарован ей не по случаю, а чтобы она им непрерывно в течение шести месяцев изо дня в день обладала. Не верила, хотя в уникальную программу своего омоложения уже вложила несколько миллионов долларов и не менее года интенсивно готовилась к встрече со мной. Ее можно было понять: семьдесят два года, я гожусь ей в правнуки — а тут раздеваюсь, ложусь на кровать, раздвигаю «великолепные ножки» и подставляю себя для нее.

— *Тебе понравилось?*

— Контраст наших тел был столь разительным, что я закрыл глаза. А потом вдруг прозрел. Такая психологическая установка могла «завалить» весь эксперимент. Я осознал, что главное — увидеть в Жанни не старуху, а человека, которому могу и должен помочь, должен видеть в нем ту же внутреннюю сущность, детскую, великую и непосредственную, что и во мне самом.

— *Чем же ты мог Жанни помочь?*

— Бесконечным оргазмом. Только в нем раскрывается животворящая энергетика целения. Ведь в чем была суть эксперимента? Что «эликсир молодости» вырабатывается моим телом и выделяется через фалл, а ее тело поглощает целительные вещества при нашем полном и именно глубоком генитальном контакте. Правда, Жанни все равно очень нравилось развлекать себя «мальчиком» и ртом, и руками.

— *Жанни понравилось?*

— Она входила в роль все больше, все чаще и на дольше погружая меня в себя. Все забавы мы превращали в веселую и искреннюю игру. Я убегал, она все равно настигала, и мои одноразовые штаны трещали по швам.

— *Ты сопротивлялся?*

— Лишь понарошку, чтобы возбудить Жанни еще больше. С животрепетным удовольствием она овладевала мной днем и ночью, пробиралась рукой сзади между ног и принималась доить мошонку, требовательно привлекая «казака» за яички к себе. Оргазмы накатывались волна за волной, и каждый раз был еще более неизведанным и новым.

— *Такая активность благотворно сказалась на возрасте старушки?*

— Даже скорее, чем доктор Чи Жэнь ожидал. Через полторы недели у Жанни стали расти на седой голове каштановые волосы, а к концу второго месяца от седин, морщин и немощи не осталось и следа.

— *Возвратилась молодость?*

— Эта молодость особенная. Женщина выглядит и чувствует себя молодой, но никогда не скажешь, сколько ей лет. Это можно сравнить с нашей глубинной сущностью — она всегда юная и никогда не знаешь, сколько ей было и сколько осталось. И никогда наша сущность в своем незакомплексованном и свободном мироощущении не изменяется.

«МОЕЙ ЗАДАЧЕЙ БЫЛО СЛУЖИТЬ ПРОВОДНИКОМ ПРИ ЗАЧАТИИ»

Владислав, двадцать четыре года, прошлогодний выпускник:

— Мое первое путешествие длилось три с половиной недели. Вместе с супружеской четой я совершал кругосветное путешествие на частной яхте.

— *Третий не оказался лишним?*

— Супругу было сорок шесть лет, его супруге — тридцать семь. Но детей у них не было и быть не могло вследствие иммунной несовместимости. А они очень хотели иметь детей, хотели иметь мальчиков, и не зачатых в пробирке, а выношенных до зачатия в себе. И вот моей задачей было служить своеобразным переходником между супругом и супругой при зачатии. То есть оказаться способным передать духовную энергетику для зачатия от супруга к супруге. И в результате мои сперматозоиды должны были бы зачать такого ребенка, которого бы они хотели и которого жена могла бы зачать от своего мужа, не будь у них иммунной несовместимости.

— *Что для тебя было самым щекотливым при встрече?*

— Весь первый день до вечера был занят тем, что властное достоинство Микки описывало движения во мне, а его руки возделывали в это время мои сокровища.

— *А чем занималась супруга?*

— Смеялась и развлекала нас, как могла.

— *А вечером?*

— А вечером стал развлекать ее я. Весьма успешно и глубоко.

— *И чем все окончилось?*

— Через семнадцать дней — зачатием.

— *Какое было ваше расположение при этом?*

— Я — на спине с поднятыми ногами, сверху на мне — Долли, а подо мной — Микки, овладевший моим анусом. Семяизвержения достигли одновременно все втроем.

— *И каков результат?*

— У них родился сын. А в этом году пригласили меня приехать снова.

Ярослав ПЕТРОВ

Фото
Николая ОРЛОВА,
1990-е годы

Фото
неизвестного автора,
1920-е годы

ЭРО-АЗБУКА

Т Трахнули телку три толстяка...
Теперь у них триппер, тюрьма и тоска.

Ф Фригидной фемине фигово от фрикций,
Но фаллос-фуфлыжник форсит, фраерится.
Оформила фея фанату фингал —
Фривольного флирта фатальный финал.

У Уродский уд ужасно узкий
Угар утех усугубил:
Ужом умелым угодил
В упругое уретры устье.

Ч Чертыхалась чувиха в чулках —
Часто член у чернобыльца чах.

Х Хапжи, хлопотливо хватая халат
Хозяйство ходоцкое хором хулят.

Ш Шалая шлюха под шорохи шин
Шарит в ширинке шоферских штанин.

Ц Цыц! Не царапайся, цыпочка-целка,
Циник-ценитель целуется цепко!

Щ Щуплый щеголь, щедрый на щипки,
Щупал щель, не щекоча щеки.

Ь Старайтесь не думать: «Давать — не давать?» С готовностью, девоньки, лезьте в кровать!
Ы Чтобы вымахать кобылу, прыгал бык обычно с тылу.
Ъ Инъектор необъятного объема — объект необъяснимого подъема.
Э Элегия этики Эроса — это эффектное эхо эрекций эстета.
Ю Юродивый юнкер с южанкой юлил, юркнул под юбку и всю обслюнил.
Я ЯНТАРНЫЕ ЯВЛЯЯ ЯГОДИЦЫ, ЯКШАЕТСЯ С ЯКУТКОЮ ЯЗЫЧНИК: ЯДРЕНЫЙ ЯД ЯИЦ ЯЗВИТ ЯИЧНИК, ЯКУТ, ЯЗЫКОБЛУДСТВУЯ, ЯРИТСЯ.

ТЫ ВЛЮБИЛАСЬ, ТАК ЛИ ЭТО?

1. Твой возлюбленный заявляет, что в воскресенье с утра обязательно должен быть на тренировке, а потом вы сможете куда-нибудь пойти. Ты:

А — Предлагаешь ему позвонить, когда закончится тренировка. Возможно, ты будешь свободна в это время.

Б — Едешь с ним к черту на рога и отсиживаешь три часа на солнцепеке, с восторгом наблюдая, как он гоняет по полю мяч.

В — Сообщаешь, что прекрасно проведешь время и без него.

2. Ранним утром раздается телефонный звонок. Твой друг предлагает сию минуту приехать, а ты только-только продрала глазки и в квартире полный разгром. Твоя реакция:

А — С энтузиазмом соглашаешься, плюешь на беспорядок и стрелой мчишься в ванную наводить основные черты лица.

Б — Недовольным голосом высказываешь все, что думаешь по этому поводу: он определенно рехнулся, раз трезвонит в такую рань.

В — Даешь понять: лично ты не в восторге от столь неожиданного звонка. Пусть он сам соображает — приезжать в таком случае или нет.

3. Он подарил тебе нечто жуткое и хозяйственное. Например, чудовищную гусятницу. Ты:

А — Умиляешься, какой же он внимательный! Пару месяцев назад ты обмолвилась, что обожаешь гуся с яблоками, — и вот, пожалуйста!

Б — Раздражаешься: и что прикажете делать с этим неподъемным монстром? На ногу уронить кому-нибудь?

В — Просишь запихнуть подарочек в кладовку — с глаз долой.

4. Отправляясь на свидание, ты одеваешься так, чтобы:

А — Сразить наповал всех встречных-поперечных. Знай наших!

Б — Понравиться ему. Хотя, между нами говоря, это платье надоело тебе до чертиков.

В — Тебе было удобно. А чье-то мнение тебя не слишком интересует.

5. Ты отчаянно зеваешь, когда он:

А — Нудит о своих проблемах с родителями или друзьями.

Б — Вдохновенно повествует о последнем матче киевского «Динамо».

В — Это невозможно! Ты готова слушать в его исполнении даже пересказ последнего боевика из жизни черепашек-ниндзя.

6. Друг прямо-таки свирепеет, когда вы встречаете твоих бывших поклонников. Твоя реакция:

А — Решительно пресекаешь всякие поползновения: да, ты пользуешься успехом! Ну и что?

Б — С трудом скрываешь удовольствие: раз он так себя ведет, значит, ты ему очень и очень небезразлична.

В — Вслух щебечешь, что с его предшественниками тебя связывали исключительно дружеские отношения. А про себя задумываешься: как бы не нажить с этим Отелло неприятностей на свою голову...

7. В августе ты:

А — Уже прикидываешь, что подарить ему к Рождеству.

Б — Обещаешь прислать ему открытку из Крыма, куда едешь с родителями, — и забываешь.

В — Занята по горло! Не до него!

8. На выходные возлюбленный решил пойти с друзьями в поход. Ты:

А — Попросишь его остаться или взять тебя с собой.

Б — Слегка обидишься, но быстренько прикинешь, как здорово будет потусоваться с подругами или в шумной компании.

В — Облегченно вздохнешь: наконец-то ты сможешь заняться своими делами.

9. Вы поссорились. И ты прекрасно понимаешь, что сама в этом виновата. Как ты поступишь?

А — Будешь ждать, пока он позвонит первым, а потом сделаешь вид, что ничего не произошло.

Б — Первая сделаешь шаг к примирению и попросишь у него прощения.

В — Будешь с возмущением рассказывать всем и каждому о вашем конфликте, ни единым словом не упоминая о своей вине.

10. Случайно ты встретила на улице свою первую любовь. Он приглашает пойти куда-нибудь: поговорить, повспоминать... Ты:

А — Отказываешься от приглашения и немедленно вводишь его в курс последних событий: у тебя есть друг.

Б — Кокетливо улыб-

Теперь подведем итоги:

1. А — 2 Б — 3 В — 1
2. А — 3 Б — 1 В — 2
3. А — 3 Б — 1 В — 2
4. А — 2 Б — 3 В — 1
5. А — 1 Б — 2 В — 3
6. А — 1 Б — 3 В — 2
7. А — 3 Б — 2 В — 1
8. А — 3 Б — 2 В — 1
9. А — 2 Б — 3 В — 1
10. А — 3 Б — 2 В — 1
11. А — 3 Б — 2 В — 1
12. А — 1 Б — 3 В — 2
13. А — 1 Б — 2 В — 3
14. А — 3 Б — 2 В — 1
15. А — 3 Б — 2 В — 1
16. А — 1 Б — 2 В — 3
17. А — 1 Б — 3 В — 2
18. А — 2 Б — 3 В — 1
19. А — 3 Б — 1 В — 2

РЕЗУЛЬТАТЫ:

От 39 до 57 очков: Похоже, ты действительно влюбилась по уши! Ты принимаешь любимого, что называется, «с сапогами, с шашкою» — таким, как он есть, и не требуешь от него совершенства. Это прекрасно. Но не слишком ли многое ты прощаешь? Может быть, стоит время от времени снимать розовые очки? Смотри, чтобы твое чувство не изливалось на «недостойный нас предмет», не превращалось в «улицу с односторонним движением». Загляни во вторую половину нашего теста. И если отношение любимого к тебе соответствует твоему — значит, вы нашли друг друга. А если нет... подумай: не слишком ли ты зависима? Не утрачиваешь ли собственную индивидуальность?

От 29 до 38 очков: Отношения с возлюбленным тебя вполне устраивают. Ты получаешь удовольствие от встреч с ним, но... Возможно, окажись вы на острове, затерянном в океане, очень скоро тебя потянет на материк. И не потому, что в твоем друге чего-то не хватает. Просто ты слишком занята собой, своими интересами. Короче, свет клином на твоем приятеле пока не сошелся. Если его отношение соответствует твоему, все нормально. Вы будете поддерживать отношения до тех пор, по-

нувшись, говоришь, что предпочитаешь не рисковать: вдруг старое чувство вспыхнет с новой силой — ты за себя не ручаешься...

В — Соглашаешься: почему бы не встряхнуться, если об этом никто не узнает?

11. Друг уезжает и никак не может присутствовать на твоем дне рождения. Ты утешаешь его:

А — Будут одни родственники. А вот когда ты вернешься, мы отпразднуем по-настоящему.

Б — Будет такая куча народу, что нам и так не дадут побыть вместе.

В — Будет мой бывший парень. Так что смотри, пособираешься...

12. Его мама считает, что ты «не пара» ее сыночку. Ты:

А — Не обращаешь на это ни малейшего внимания. Это ее проблемы, а ты не червонец, чтобы всем нравиться.

Б — Делаешь все, чтобы изменить ее отношение. Даже готовишь жутко трудоемкое блюдо по ее фирменному рецепту и восторженно докладываешь, как оно всем понравилось.

В — Стараешься не попадаться ей на глаза. При неожиданной встрече скороговоркой здороваешься и растворяешься в воздухе.

13. Тебе известно, что твой парень в настоящее время сильно ограничен в средствах. Что ты ответишь на его приглашение пойти в ресторан?

А — Конечно, соглашусь! Деньги — это его проблема. Раз приглашает, значит — нашел.

Б — Соглашусь, но предложу поделить расходы пополам.

В — Скажу, что терпеть не могу рестораны. Лучше просто погулять в парке.

14. Когда ты долго не видишь его, то:

А — Места себе не находишь! Вдруг что-нибудь случилось?!

Б — При случае поинтересуешься у общих знакомых: куда это он запропастился?

В — Чувствуешь себя не хуже, чем обычно.

15. В витрине магазина тебя привлекает в первую очередь:

А — Фантастическое кружевное белье.

Б — Классные роликовые коньки.

В — Шикарная норковая шуба.

16. Он на дух не переносит твою лучшую подругу. Ты полагаешь, что:

А — Твои друзья — это твои друзья, и ему придется с этим считаться. Мало ли кто ему не нравится!

Б — Не стоит портить себе нервы. И попросту избегаешь всяких разговоров о твоей подружке.

В — Когда-нибудь это уладится. А пока лучше пореже встречаться с подругой. И втайне от него.

17. Он уделяет слишком много времени своему увлечению шахматами (ремонту автомобилей и т. п.) — занятию, которое ты не в силах не только разделить, но даже понять. Ты:

А — Предъявляешь ультиматум: либо он уделяет тебе не меньше внимания, чем ферзям (аккумуляторам и т. п.), либо ты немедленно становишься его самым незабываемым воспоминанием.

Б — Честно пытаешься разобраться, чем эндшпиль отличается от шейпинга (зажигание от поджога и т. п.). По ночам тихо плачешь в подушку и вскрикиваешь во сне. Потом смиряешься со своей участью.

В — Предлагаешь компромисс: он посвящает тебе столько же времени, сколько своему хобби, а ты прекращаешь его пилить вдоль и поперек.

18. На день рожденья ты подаришь ему:

А — Что под руку подвернется. Ему все равно не понравится.

Б — То, о чем он давно мечтал.

В — Открытку с типографским пожеланием «здоровья и счастья».

19. У него плохое настроение. Ты думаешь:

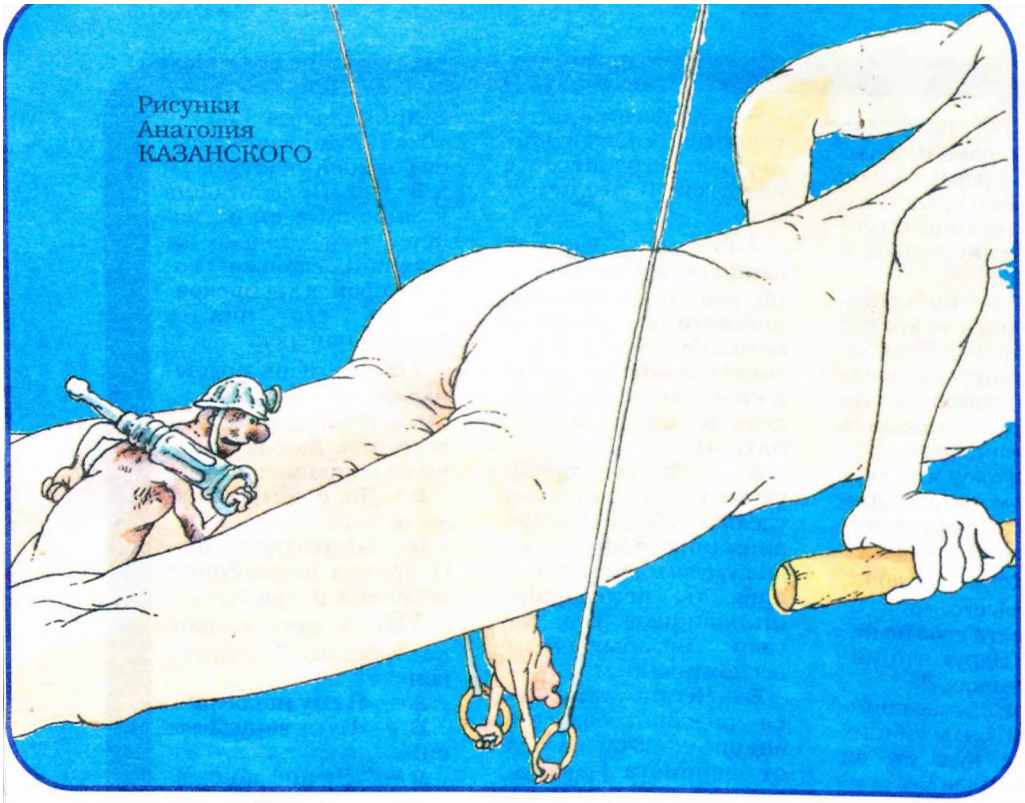
А — «Я ему надоела!»

Б — «Ну и зануда же он!»

В — «Лучше по-быстрому распрощаться. Завтра у него это пройдет».

ка они приятны и необременительны для обоих. Но если он потерял голову... Может быть, не брать на себя долгосрочных обязательств, не держать «на коротком поводке»? А лучше все-таки приглядись: не скрывается ли за обликом обычного парня Прекрасный Принц?

От 19 до 28 очков: **Знаешь, дорогая, либо ты поднимаешь планку чересчур высоко, так что ни один парень не в состоянии взять эту высоту, и ты рискуешь остаться в своем тереме одна (правда, со своими претензиями), либо ты втайне боишься проявить хоть какие-нибудь человеческие чувства, предпочитая выискивать в партнере одни недостатки. Поразмысли о себе и о своем отношении к жизни. А когда поймешь, что на твоем пути встретился достойный человек, не отказывай себе в удовольствии — влюбись!**



Виктор ВАСИЛЕНКО

РУЧКИ

Маленький роман

Руки!
Вы словно две большие птицы...
(Из репертуара Клавдии Шульженко)

ПРОЛОГ

Его зачали тихим осенним вечером одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года в стране победившего социализма. Будущая мать, учительница литературы, от природы скромная и застенчивая женщина, в момент зачатия испытала столь яркие и необычно острые ощущения, что весь следующий день стеснялась смотреть в глаза своим ученикам. Воспоминания о любовных судорогах накатывались на нее жаркой волной прямо посреди уроков, руки начинали дрожать, дыхание становилось прерывистым. Она стучала мелком по школьной доске, выводя тему сочинения, мел крошился, скользил, и Надежде Петровне казалось, что десятки нахальных глаз десятиклассников разглядывают ее спину, бедра, ноги, родинку на лодыжке, а она стоит голая и беззащитная перед ними, но это доставляет ей странное, постыдное удовольствие.

Такого с ней раньше не случалось никогда.

Муж ее, Николай Пантелеймонович, работал плотником на стройке, пил много и яростно, с женой особо не любезничал, и если и проявлял иногда желание обнять ее, то делал это брезгливо и грубо, как бы давая понять, что сие занятие ему, в принципе, достаточно противно.

В тот вечер он явился домой трезвый и аккуратно выбритый. От него пахло одеколоном. Он не прошел, как обычно, в пальто и грязных сапогах в ванную. Не открыл там визжащий кран и не стал взахлеб пить из него воду. Наоборот — скромно разделся, повесил пальто за петельку на вешалку, снял сапоги и, подняв на онемевшую Надежду Петровну добрые глаза, спросил, где его тапочки.

Тапочек Николай Пантелеймонович не носил сроду, так как считал их признаком мещанства. Надежда Петровна засуетилась, одернула халатик, запахнулась потуже и подсунула к свободным от сапог ногам мужа свои шлепанцы — маленькие, растоптанные, с кокетливыми бантиками.

— Надо бы поновее чего купить, — кряхтел, пытаясь засунуть пахучие мужские ноги в женины тапки, Николай Пантелеймонович, — а то неловко как-то: рабочий человек, а вон в чем дома ходит. — Он щелкнул желтым ногтем по бантику.

— Николаша, что случилось? — Сердечко Надежды Петровны застучало часто и ненадежно.

Николай Пантелеймонович протянул к ней большие руки, нежно обнял и прижал к груди. Она услышала у своего уха горячее дыхание, и ей почудилось, что все вернулось — молодость, любовь, счастье.

Ее обнимал не муж!.. Это был кто-то другой — милый, добрый и сильный. Тело ее упруго напряглось, ощутив прикосновение немного жестковатых, но таких нежных и ласковых ладоней. Плоть наполнилась давно забытым теплом, дыхание сбилось.

Он поцеловал. Развратно. Взасос. Так целовали ее лишь один раз в жизни, да и то на студенческой вечеринке.

— Что, что, что? — шептала она, прижимаясь щекой к его гладко выбритому подбородку. — Не понимаю...

— Не понимаешь? — Пряный и обильный запах одеколона, идущий от мужа, кружил ей голову. — А ты пойми! От всего, что было раньше, — отрекаюсь! От пьяной дури, от халтурной работы, от недисциплинированности и разгильдяйства — отрекаюсь. Я, конечно, понимаю: все, что обо мне пишут, только аванс. Но я оправдаю доверие. Ведь меня назвали одним из лучших плотников нашей ударной стройки. На меня надеются, мне верят! Как же я теперь смогу подвести коллектив? Нет, с прошлым покончено навсегда...

Николай Пантелеймонович отстранил жену и осторожно вытащил из бокового кармана пиджака газету. Это была горстроевская малотиражка. Надежда Петровна взяла ее из вздрагивающих рук мужа и увидела на первой странице под рубрикой «Навстречу съезду» большую фотографию улыбающегося мужчины. Этим мужчиной был Николай Пантелеймонович.

— Ты читай, читай! — требовал Николай Пантелеймонович, тыча пальцем в название статьи. — Читай вслух.

И Надежда Петровна прочла заголовок — громко, нараспев, словно со сцены:

— «Слава рукам трудовым!»

— Вот они, эти руки, — поднял над головою ладони Николай Пантелеймонович и потряс ими, — нет им цены. «Руки! — напамять цитировал он статью. — Рабочие руки! Они строят мосты и запускают в космос космические корабли. Руки рабочих держат земной шар и колышут младенцев. И мы говорим — слава рукам трудовым!»

Надежда Петровна готова была рыдать от переполнявшего ее восторга. Да, муж ее не кончал академий, не писал антисоветских пасквилей и стихов, порой неоднократно выпивал, но его руки были во сто, нет, в тысячу раз нужнее человечеству, чем мозги всех умников мира вместе взятых.

У них не было сил дойти до спальни. Прямо на полу, в пространстве между кухней и прихожей, он овладел ею, — нежно и властно. Она ритмично билась головой о порожек ванной и в ушах ее с каждым ударом все сладостней звучало: «Руки!.. Руки!.. Руки!..»

1

Положенные девять месяцев протекли тихо и незаметно.

Надежда Петровна чувствовала себя хорошо, врачи были ею довольны. Николай Пантелеймонович заботился о ней и будущем ребенке, как мог. Он даже бросил пить, что при его работе приравнивалось к подвигу. За это его избрали делегатом партконференции, поставили в очередь на квартиру и присвоили звание «Мастер — золотые руки». Надежда Петровна гордилась своим мужем.

По ночам ей часто снились его руки — мозолистые, трудовые, в ссадинах. Иногда это ее даже огорчало. Ей хотелось увидеть во сне что-то романтическое — цветущий майский сад, утреннее море или ангела с большими белыми крыльями. Но снились только руки.

Накануне родов, когда начались первые схватки и вызвавший «скорую помощь» Николай Пантелеймонович побежал на улицу встречать врачей, заглянула соседка Нюра, многодетная мать-одиночка с третьего этажа. Она успокаивала Надежду Петровну, уверяла, что все будет хорошо, и, чтобы поднять настроение, рассказала анекдотец. Смысл его состоял в следующем: у туристки-француженки корреспондент спрашивает, что ей больше всего понравилось в нашей стране. Дети, отвечает француженка и с удивлением вопрошает: как вы их делаете? Теперь удивляется корреспондент. Так же, как и во Франции, мадам, говорит он. Я так и думала, с издевкой говорит француженка, потому что на то, что вы делаете руками, без отвращения смотреть невозможно.

Анекдот Надежде Петровне не понравился. Не столько тем, что в нем содержался намек на орган, о котором интеллигенты не говорят (а будучи учительницей, она причисляла себя к классу интеллигенции), сколько пренебрежительным отношением к рукам. Она не понимала, почему трудовые руки, ставшие уже частью ее сознания, делают все плохо. Тут чувствовалось какое-то неуважение к рабочему человеку, а значит, и к ее мужу, отцу ее будущего ребенка

— Ты не права, Нюра, — сказала Надежда Петровна. — Дай Бог каждому иметь такие руки, как у моего Николая! И если у меня родится мальчик...

Острая боль пронзила ее сверху донизу. Со стоном она обхватила свой огромный живот, зрачки ее расширились, и ей почудилось, что две огромные руки протянулись к ней, подняли и понесли в туманное и лучистое поднебесье...

2

Акушерка подняла над головой мокрое, сморщенное тельце новорожденного и показала его матери. Малыша хлопнули по попке, и он завизжал крепко и хрипло.

— Сейчас посмотрим, кто у нас родился — мальчик или девочка, — услышала Надежда Петровна бодрый голос врача.

Она, конечно же, желала мальчика. Родовая боль отступила. Стало легко и радостно. Она ждала. Но никто ничего не говорил. Зловещая тишина окружала ее. В этой тишине крик ребенка казался особенно сиротливым. Надежда Петровна напряглась. Слух ее обострился до предела. И она услышала свистящий шепот акушерки:

— Господи, Боже мой, да что ж это такое? Тридцать лет работаю, а такого не видела...

Лицо врача, круглое, доброе, в толстых роговых очках и марлевой повязке, склонилось над Надеждой Петровной.

— Поздравляю вас, мама, — сказал врач, — у вас мальчик... Правда, необычный. Ну, ничего страшного, не волнуйтесь... Это бывает.

— Что... бывает?.. — предчувствуя беду, пролепетала запекшимися губами Надежда Петровна.

— Вы же мужественная женщина, да?.. Ведь вы — учительница!

Надежда Петровна не понимала, почему учительница обязана быть мужественной, но на всякий случай сказала «да».

К ней поднесли младенца.

Это был крепенький, румяный мужичок. Глазки-смородинки глядели по сторонам требовательно и лукаво. Надежда Петровна улыбнулась ему, а он улыбнулся ей. Она поняла, что дороже существа у нее нет на свете. Глаза ее наполнились слезами умиления.

— Не понимаю, — прошептала она сладко, — что же в нем необычного?

— А вот что, — указательный палец доктора скользнул по животику ее сына и остановился на довольно большом отросточке между ног младенца.

Надежда Петровна присмотрелась... С ней сделалось дурно.

На красивой, упругой пипочке сына, под розовой открытой головкой четко виднелись крохотные, как у лягушенка, лапки. Даже не лапки — ручки. С локотками, ладошками и пальчиками, которые то сжимались, то разжимались.

Надежда Петровна представила себе весь ужас своего положения и закрыла наполнившиеся влагой глаза. Пусть бы они, эти ручки, выросли где угодно — на животе, на шее и даже на лбу, — все же было бы не так стыдно. Но почему суждено иметь сына с ручками на самом неприличном месте! Это несправедливо! Она, порядочная, чистая, ни разу в жизни не принявшая ни одной развратной позы учительница, вынуждена растить и воспитывать сына с таким неприличным отклонением!..

— А я, например, не считаю это патологией! — вдруг произнесла громким и убежденным голосом медсестра, разглядывая пипочку новорожденного.

Это была молодая, красивая, пышущая здоровьем женщина. Она протянула свой тонкий указательный палец с отполированным ногтем к ручкам, и те, словно только и ждали этого, ухватились цепко за него, вызвав в женщине гортанный, едва сдерживаемый смех.

Пипочка напряглась, вздрогнула и затвердела.

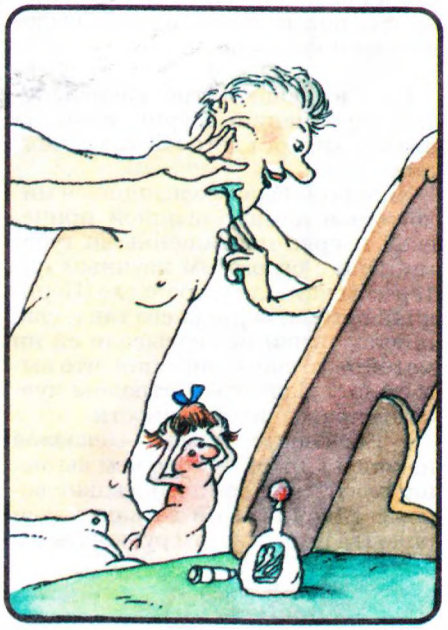
Надежда Петровна лишилась чувств.

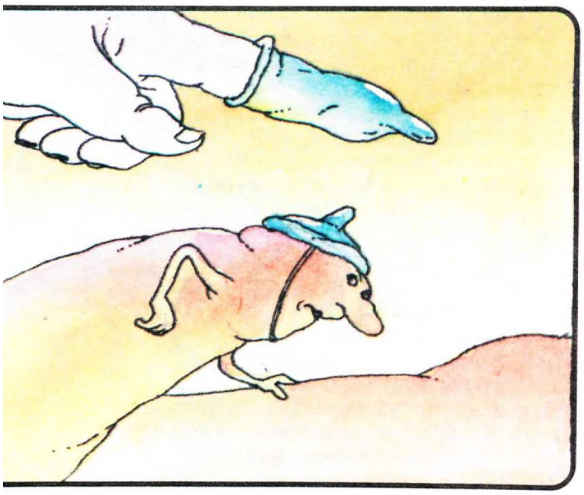
3

Малыша назвали просто и по-домашнему — Шурик.

Когда его купали, Николай Пантелеймонович уходил из комнаты, чтобы не расстраиваться. Он опять стал потихоньку пить. Надежда Петровна как-то в сердцах сказала ему, что все их несчастья из-за той газеты, в которой были воспеты его руки. Николай Пантелеймонович не обиделся, рабочая гордость в нем угасла. Однажды он попал в вытрезвитель, после чего был исключен из партии и снят с очереди на квартиру.

Как-то вечером, вконец разругавшись с подвыпившим мужем, Надежда Петровна присела у колыбели младенца. Ее стыдящийся взгляд не отрывался от срамного места Шурика. Оно, это место, явно опережало в росте все остальные, то есть несрамные места. Ручки, росшие из него, жили своей самостоятельной жизнью. Они то почесывали сзади головку, то складывались, на манер наполеоновских, на груди, и тогда головка высокомерно откидывалась назад. Поче-





му-то Надежде Петровне вспомнилась сестра из больницы, вернее, ее палец, протянутый к этим самым ручкам. Она долго не решалась сделать то же самое. Но чем больше себя сдерживала, тем острее было желание отдать и свой палец ручкам, ощутить их прикосновение. Наконец она не выдержала и, оглянувшись, не следит ли за нею муж, протянула палец к срамному месту.

Ручки возбужденно задергались, стали потирать одна другую, но за материнский палец не ухватились. Надежда Петровна обиделась. Не хватало еще — родных не узнают! Она стала почесывать между ручек, как бы по грудке, отчего мужское достоинство Шурика увеличилось в размерах и угрожающе задрожало. Надежда Петровна в ужасе отдернула палец.

И тут ручки сделали то, чего она от них меньше всего ожидала. Они стали демонстрировать столь неприличные жесты, по сравнению с которыми кукиш выглядел верхом благопристойности. Надежда Петровна отпрянула от кроватки и, вскочив на диван, прижалась спиной к ковру. В полутемной, залитой синим лунным светом комнате она была похожа на княжну Тараканову с одноименной картины выдающегося художника.

4

На следующее утро распеленутый и кричащий Шурик лежал на столе у хирурга детской консультации.

Хирургом была молодящаяся миловидная дама с пышной прической и ярко накрашенными губами. Она с огромным научным интересом изучала устройство Шурикина органа, вертела его так и сяк, причем ручки не оказывали ей ни малейшего сопротивления, что вызывало у Надежды Петровны чувство справедливой ревности.

— Вы знаете, мама, — сказала наконец хирург, — то, о чем вы меня просите, не лезет ни в какие ворота. Никогда и ни за какие коврижки я не отсеку эти ручки! Вы же сама женщина и должны понимать, что природа наградила вашего сына божественным даром. Вы представляете, какой мужчина получится из этого малыша? Кроме того, право иметь или не иметь, в дополнение ко всему, ручки принадлежат только их владельцу. Так гласит закон. Я не желаю из-за вашей прихоти идти в тюрьму.

— Но он же совсем крошка, — расплакалась Надежда Петровна, — как он может решать?

— Крошка, но с какими ручками! — воскликнула восторженно хирург. — Что вы на меня уставились? Разве вы не хотели бы иметь мужа с такими ручками? То-то, мамаша! А ведь ваш малыш когда-нибудь да вырастет! И станет мужиком! Смекнули? Все эти крошки в конце-концов становятся мужиками. Я это говорю вам как врач-педиатр.

— Что же делать?

— Ждать, ждать и ждать. Вот стукнет ему шестнадцать, получит он паспорт, познает первую женщину и решит, что делать с ручками. Резать никогда не поздно!

Надежде Петровне показалось, что в словах хирурга есть резон. В конце концов мочится Шурик нормально, взгляд имеет осмысленный, а то, что ручки на срамном месте получились хулиганистые, так что ж — не он при них, а они при нем.

— Вы знаете, — хирург обняла Надежду Петровну за плечи, словно родную, — мой вам совет — не расстраивайтесь. Я бы на вашем месте гордилась таким сыном. Как его зовут?

— Шурик... — Надежда Петровна вытерла платочком глаза.

— А давайте мы вот что... Дадим имя и его чуду. Все-таки оно у Шурика единственное в мире! Ну, например, Геркулес!

— Геркулес! Красиво... Только меня несколько смущает, что каша, которой я его кормлю, тоже называется «Геркулес».

— Простите, я не подумала... — Хирург поиграла мизинчиком с органом, который пока никак прилично не назывался. — Действительно, назвать это чудо именем каши просто оскорбительно. Ему надо дать какое-то звериное имя, он же у нас хищник!

Она приблизила лицо к срамному месту Шурика и потерлась об него кончиком носа, приговаривая с едва сдерживаемым восторгом: «Ах ты хищник! Ах ты хищник!..»

Ручка ухватила ее за ноздрю, но женщина не обиделась. Наоборот, повернув к Надежде Петровне раскрасневшееся лицо, она радостно воскликнула:

— Я же говорила! Настоящий хищник. Барс!

Надежде Петровне имя понравилось.

— Ну, до настоящего барса ему еще далеко, — блеснув глазами, сказала она, — пусть подрастет. А пока будет Барсиком.

5

Тихо и незаметно минуло шестнадцать лет.

Шурик рос, и Барсик подрастал вместе с ним. Пока не стал Барсом.

Сын закончил школу с золотой медалью. Надежда Петровна очень им гордилась, тем более что с мужем они давно были в разводе и Шурика она растила одна.

С четырнадцати лет Шурик начал писать стихи и достиг на этом поприще немалых успехов. Его первые, еще наивные вирши легли на душу редколлегии газеты «Юный ленинец», и их регулярно печатали. Надежда Петровна читала произведения сына на уроках своим дебильным десятиклассникам, и те вежливо слушали.

Все было хорошо, пока однажды Шурик не написал какую-то странную поэму, которая заканчивалась словами: «В моей душе растет трава, и набухает синева...» Вначале Надежда Петровна решила, что сын написал это просто так, как бы в шутку, но, увидев его огромные, круглые глаза под насупленными бровями, вдруг почувствовала, что тот, вчерашний, простодушный и доверчивый Шурик исчез, сгинул, растворился в полноватом румяном юноше, стоящем перед ней. Она впервые обратила внимание на темные усики над губой, широкие, недетские скулы и крупный кадык сына.

Почему-то кадык ей запомнился больше всего. Ночью ей не спалось. Хотелось пить. Ощущение неясной тревоги не покидало до утра. И утром, когда зашелестели за окном деревья в предчувствии первых солнечных лучей и птичьи голоса заполонили мировое пространство, она вскочила на постели, пронзенная острой, словно осколок хрусталя, мыслью.

Барсик стал Барсом!

Все эти годы она жила, как бы забыв об особенности своего сына. Его физический недостаток никак себя не проявлял, во всяком случае публично. В баню Шурик не ходил, на пляже всегда носил плавки. Он, собственно, ничем не отличался от сверстников, а если и отличался, то в лучшую сторону — был энергичнее, предприимчивее их, жизнерадостнее. Девчонки заглядывались на него, искали с ним дружбы, он чувствовал себя в их компании уверенно, никогда не робел, и они ценили его за это.

Но ведь все эти годы Барсик рос тоже!

Вместе с ручками!

Надежда Петровна представила на мгновение возмужавшие руки Барсика, и ночная сорочка стала липнуть к вспотевшей спине несчастной матери. Они, эти ручки, представились ей мускулистыми,

белыми, покрытыми темными волосками. Она встала с постели, услышала, как дрожит где-то под ухом тонюсенькая жилка. Босиком неслышно прокралась на кухню, открыла кран и, наклонившись боком, подставила под него пересохшие от волнения губы.

Когда-то так пил, приходя с работы, ее муж, Николай Пантелеймонович.

Она оторвалась от крана, вытерла ладонью мокрый рот и тупо уставилась на истертый временем линолеум. Однажды здесь, на этом полу, случилось то, от чего вся жизнь ее перевернулась. Вспомнился вечер, когда муж пришел с работы трезвый, нахнущий одеколоном, с газетой. Как называлась та статейка? Надежда Петровна пыталась припомнить, да все никак не могла. Что-то про руки... И вдруг перед ее глазами ярко вспыхнул огненными буквами крупно набранный газетный шрифт: «СЛАВА РУКАМ ТРУДОВЫМ!»

«Будьте вы прокляты!..» — злобно прошептала она куда-то ввысь, тряся кулаками над головой, потом сгорбившись присела на краешек старой табуретки и горько зарыдала. Ей было жаль своей напрасно прожитой жизни, мужа-алкоголика, но больше всего сына — красивого, умного, талантливого и — несущего рок проклятого прошлого... «Жить не по лжи... — шептала она, раскачиваясь из стороны в сторону, — жить не по лжи...»

6

И тогда, в золотом свечении, из мрака надвигающейся тьмы, в белых одеяниях, добрый и строгий, явился перед нею образ писателя-диссидента. Она закричала. Диссидент пропал. Вместо него ей представились лагеря, воющие псы, метель и рысьи глаза вождя, победоносно глядящие сквозь снег. Ее лодыжки покрылись пупырышками. «Жить не по лжи!» — выла она, наслаждаясь смелостью отчаяния. Вождь недобро сопел. Писатель кивал головой. Шурик кричал в телефонную трубку: «Алло, «скорая»!» Ей сделали укол. Она успокоилась. А утром, едва первый солнечный луч ослепительно грянул сквозь занавеску, увидела заросшее седой бородой лицо своего мужа Николая Пантелеймоновича. Он был весь в белом. Неземное сияние исходило от его головы.

— Слава рукам трудовым, мать, — произнес он приятным баритоном. — Не думай о прошлом. Ты ведь ничего не знаешь. Они уже умеют вязать. Ты же ими не интересовалась, забыла.

— А сталь варить они умеют?

— Еще как! Они запускают космические корабли и держат на своих ладонях земной шар. Слава рукам трудовым!

Писатель обнял Николая Пантелеймоновича осторожно за плечи и аккуратно вывел из спальни, приговаривая: «Жить не по лжи»...

Мать приподнялась на постели. Зедеревенев от боли, стала на ноги и, словно на протезах, подошла к двери, ведущей в комнату сына. Тихо толкнула ее.

Шурик лежал на постели совершенно голый. Даже без трусов. Рядом с ним была какая-то рыжая девчонка, такая же голая, как и он. Барс лежал. Но зато ручки, эти мерзкие ручки, при появлении матери громко зааплодировали, словно она была вышедшей на сцену эстрадной звездой.

Лицо сына было мокрым от слез. Рыжая ехидно смеялась, даже не пытаясь прикрыть наготу. Надежда Петровна глянула на девчонку, потом перевела взгляд на аплодирующие ручки, и внезапно душа ее наполнилась такой радостью, какой не знала за всю предыдущую жизнь. Она широко повела над головой руками и запела низким контральто:

— Руки! Вы словно две большие птицы! Как вы летали! Как оживляли все вокруг!..

Рыжая громко захохотала. Потом вскочила с постели и стала в такт ручкам аплодировать, скандируя:

— Ваш сын — импотент! Ваш сын — импотент!

— Как? — удивилась мать. — А ручки?

— Они вот так упираются... — Девица согнулась перочинным ножиком и уперлась вытянутыми руками в стену, словно пытаясь ее отодвинуть. — Как можно просунуть голову, если ручки вот так упираются, а, мамаша? А еще учительша!

— Я не хочу больше жить! — зарыдал Шурик. — Зачем мне их не отрезали в детстве! Мама, понимаешь, — он поднял над головой руки, — они упираются и не дают Барсику войти куда надо!

— Ничего, Шурик, ничего, сынок... — Мать подхватила сына и закружила в вальсе. — Мы их устроим на курсы вязания, потом научим печатать на машинке, показывать фокусы! У нас впереди непочатый край работы! Когда-то газеты писали о руках отца, теперь будут о твоих. Слава рукам трудовым!

Наутро ее увезли в психбольницу.

— Мама! — кричал, стоя под окнами желтого дома, сын. — Не плачь! Я им всем покажу! Я стану богатым и талантливым!..

ЭПИЛОГ

Прошли годы.

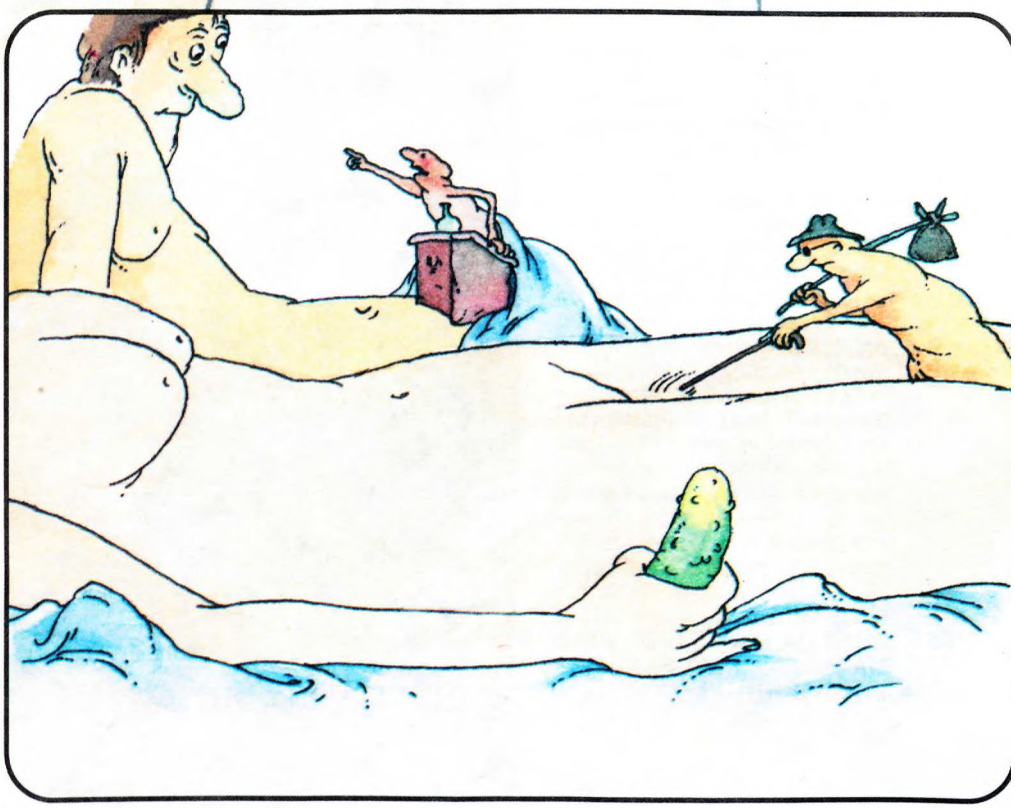
На вручение Нобелевской премии по литературе ее лауреат, всемирно известный поэт и бизнесмен, один из богатейших людей Европы Александр Барс прибыл со всем семейством — женой, ослепительной американской порнозвездой, и одиннадцатью детьми. Злые языки шептали, что Нобелевскую премию он купил, но в это никто старался не верить.

На банкете к порнозвезде подошла рыжая журналистка и выразила свой восторг по поводу усыновления такого количества детей.

— Я никогда не думала, что порнозвезды способны на столь гуманный акт, — льстиво сказала журналистка.

— Почему вы решили, что я не своих детей воспитываю?

— Интересно бы знать тогда, кто их отцы? — оживилась рыжая. — Если это, конечно, не коммерческая тайна.



— Какая уж тут тайна. Я их родила от своего мужа, Шурика!

— Нет, мадам, — злорадно прошептала журналистка, — тайна есть, да еще какая! Дело в том, что когда-то я была знакома с вашим мужем и прекрасно знаю, что там, где у мужиков никаких ручек нет, у него есть...

— Конечно! Да еще какие! — Порнозвезда в восторге закатила глаза. — Иначе какого дьявола я выходила бы за него замуж. Не за стихи же любят мужчин.

Рыжая скептически ухмыльнулась.

— Но и не за ручки! Ведь они делают так... — Она согнулась перочинным ножиком и, вытянув руки, уперлась ими в косяк открытого окна. — Когда ручки не пускают, головка далеко не пойдет! Из-за них Барс не может войти куда надо!

И она вытянула шею, пытаясь высунуть рыжую свою голову в окно.

Порнозвезда улыбнулась.

— А если сделать так?

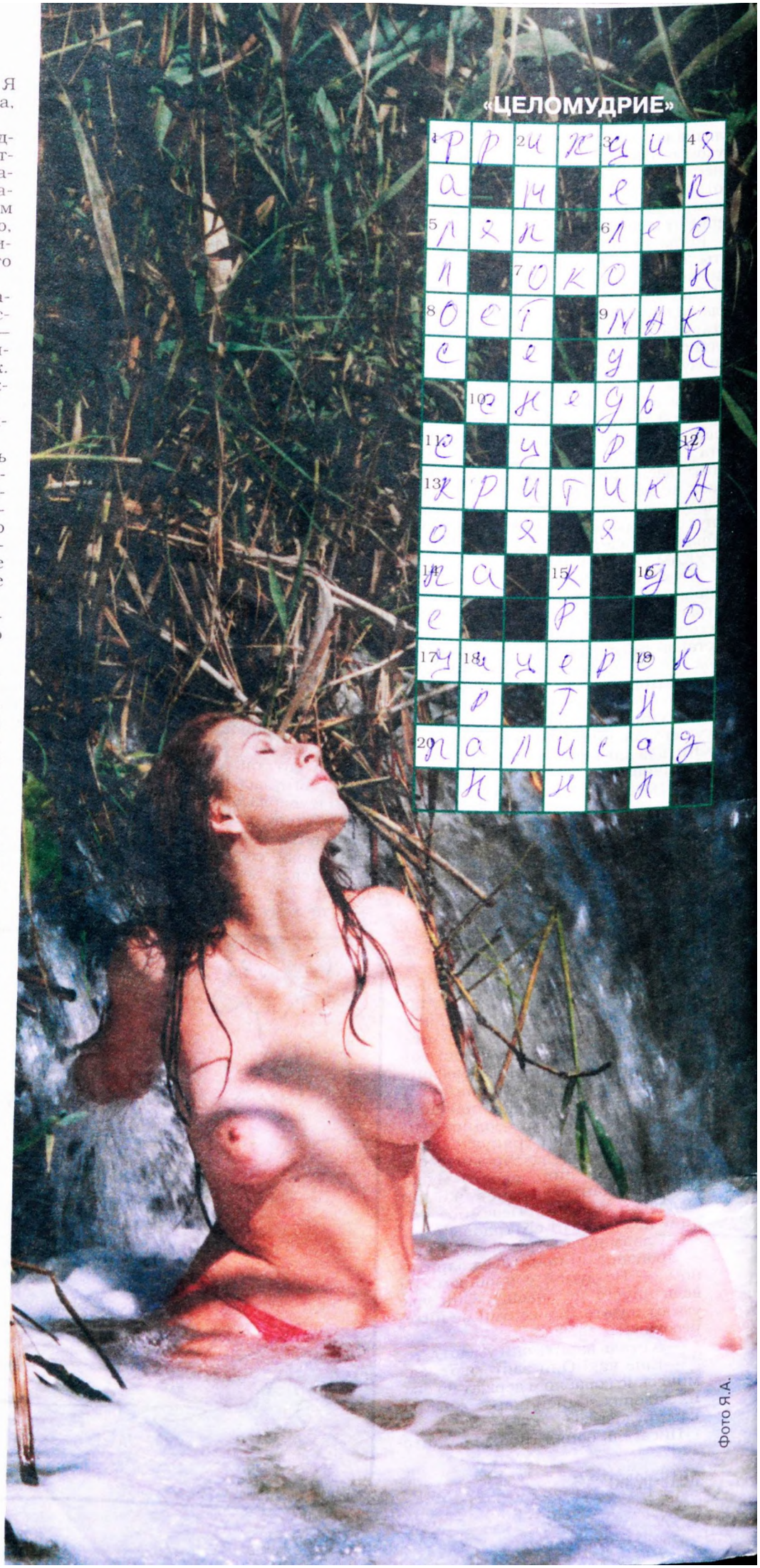
Она щелкнула журналистку по макушке. Та схватилась за рыжую головку, и теперь ничто не мешало хохочущей порнозвезде вытолкнуть ее в окно, что она и сделала.

— Вот так и с Барсом! — ликующе прокричала ей вслед порнозвезда. — Достаточно щелкнуть его по головке, как ручки схватятся за нее, и вводи его куда хочешь!

Отряхиваясь, рыжая влезла обратно, осушила до дна бокал шампанского, поднесенный услужливым гарсоном, и сказала:

— О небеса! Как, оказывается, все просто! Как же я сама, дура, не догадалась? Чуть щелкнула бы — и все... Была бы женой лауреата Нобелевской премии.

— А какое бы райское наслаждение вас ожидало потом! — сладко потянулась порнозвезда. — Всякие там Микки Рурки, Сильвестры Сталлоне и даже Богданы Титомиры в подметки не годятся моему Шурику. Но вы не переживайте. Не ваша вина в том, что вы родились в тоталитарной стране. Зато ваши дети будут счастливее вас — ВЕДЬ Я СЛЫШАЛА, У ВАС УЖЕ НАЧАЛАСЬ СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!..



ЛЕЛЬВОРД

«ЦЕЛОМУДРИЕ»

По горизонтали: 1. Движение полового члена. 5. Ошибка, просчет. 6. Имя французского публициста Таксияла, автора книги о нравах католической верхушки прошлого «Священный вертеп». 7. Плата за разбитое око. 8. Морской восток. 9. Гонимое огородное растение с красным цветком. 10. Кушанья. 13. Если она и должна звучать в постели, то в очень тактичной форме. 14. Движение в танце. 16. Слово, которое парень хочет услышать в ответ на свои домогания. 17. Знаменитый древнеримский оратор. 20. Легкий сквозной забор перед домом.

По вертикали: 1. Мужская гордость. 2. Самое страшное для мужчины. 3. Девичья чистота. 4. Национальность гейши. 11. Евнух по своим мужским качествам. 12. Мумифицированный правитель. 15. Неумный мужчина. 18. Страна, в которой современные женщины обязаны носить паранджу. 19. Отец онанистов.

ОТВЕТЫ НА ЛЕЛЬВОРД «ЦЕЛОМУДРИЕ»

По горизонтали: 1. Фрикция. 5. Лап. 6. Лео. 7. Око. 8. Ост. 9. Мак. 10. Снедь. 13. Критика. 14. Па. 16. Да. 17. Цицерон. 20. Палисад.

По вертикали: 1. Фаллос. 2. Импотенция. 3. Целомудрие. 4. Японка. 11. Скопец. 12. Фараон. 15. Кретин. 18. Иран. 19. Онан.

«СОБЛАЗН»

По горизонтали: 4. Юноша, которого Зевс, влюбившись, взял на Олимп и сделал виночерпием. 5. В нее плачутся безнадежно влюбленные девушки. 8. Сторонник традиционного секса. 9. Искушение. 11. Первый парень на деревне. 13. «... — это страшная сила». 15. Воспаление вульвы.

По вертикали: 1. Юноша, которому довелось возглавлять жюри первого в мире конкурса красоты, главным призом которого было яблоко. 2. Обладание свойствами, характерными для обоих полов. 3. В руках у нее была... душистой сирени. 6. Ворота любви для гомосексуалистов. 7. Маленькая планета. 10. Торжественные стихи в честь любимой. 13. Светский прием. 14. Героиня знаменитого одноименного романа Ивана Ефремова.

ОТВЕТЫ НА ЛЕЛЬВОРД «СОБЛАЗН»

По горизонтали: 4. Ганимед. 5. Жилетка. 8. Натурал. 9. Соблазн. 11. Баянист. 12. Красота. 15. Бульвар.

По вертикали: 1. Парис. 2. Бисексуальность. 3. Ветка. 6. Анус. 7. Планетка. 10. Ода. 13. Раут. 14. Таис.

«СОБЛАЗН»

ИДЕТ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПО ЛЕСОПАРКУ...

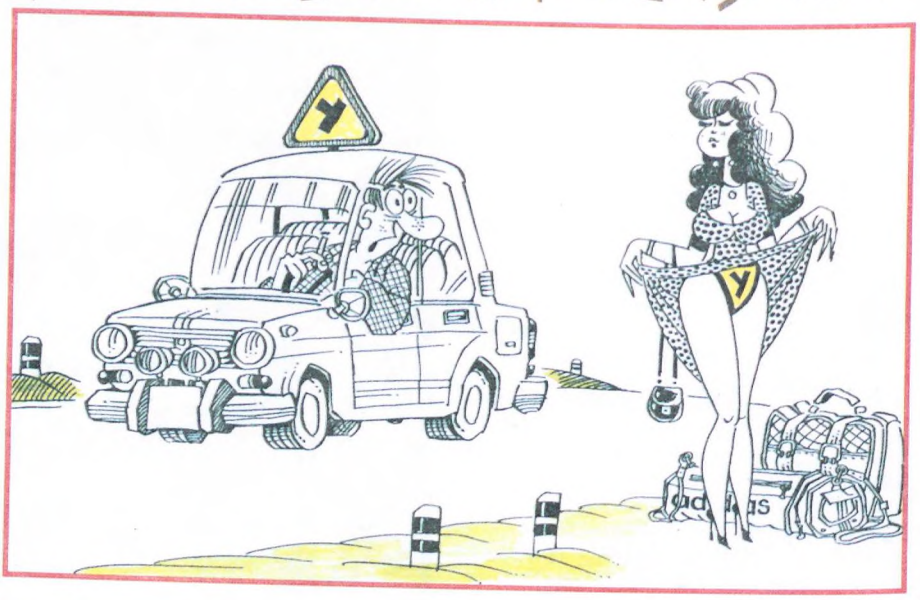
Полицейский подходит в лесопарке к парню, копающему яму:

— Зачем вы копаете?

— У меня сегодня свидание с девушкой.

— Ага! Так что же, эта яма — для девушки?

— Да. Она ведь горбатая.



Милиционер привел в отделение молодую парочку:

— Разрешите доложить! Иду я по парку и вижу, как эти двое в кустах е...ся.

Дежурный его поправляет:

— Не е...ся, а совокупляются.

— Вот и мне, господин лейтенант, так показалось. А подошел ближе — гляжу: не-ет, таки е...ся!

Дорожный полицейский останавливает машины и проверяет водителей на наличие алкоголя в организме. Каждому он протягивает какую-то штуку, в которую нужно дуть. Все дуют, и только двенадцатый по счету водитель возмутился:

— Так это же презерватив!

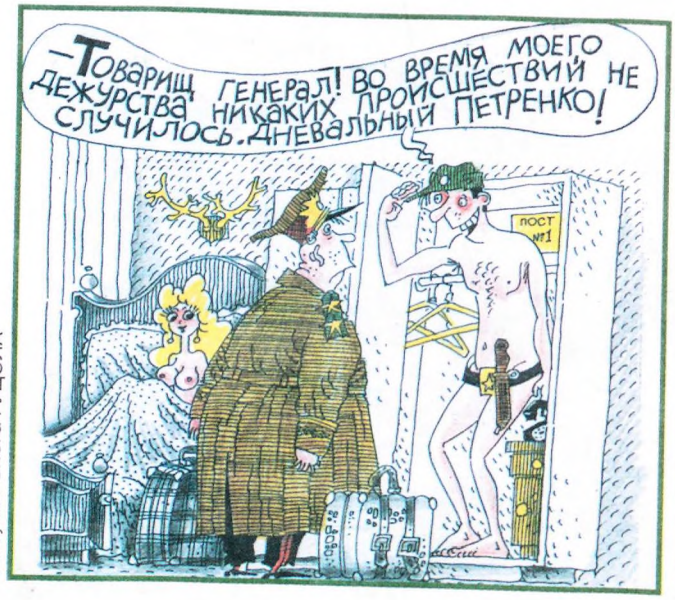
— Можете проезжать. Видно, что вы трезвый.

— Ну, как твой экзамен по правилам уличного движения? — спрашивает инструктор автошколы у своей самой симпатичной ученицы.

— Очень хорошо. Экзаменатор задал мне всего один вопрос.

— Какой же?

— Можем ли мы поужинать вместе сегодня вечером?



Рисунки Олега ГУЦОЛА

Инспектор ГАИ останавливает машину за незначительное нарушение правил дорожного движения. Смотрит: за рулем женщина.

— Гражданка, я вынужден вас предупредить: вы невнимательны за рулем. Это может кончиться для вас весьма печально.

— Очень справедливое замечание, — соглашается женщина. — Будь я не за рулем, разве не обратила бы внимания на такого красавца! И это могло бы окончиться для вас весьма трагически.

Разговаривают жены двух милиционеров:

— Мой муж импотент.

— А мой-то дурак все еще в сержантах ходит.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

НА ЖУРНАЛЫ «ЛЕЛЬ» И «ЛЕЛЬ-РЕВЮ»

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1999 ГОДА!

Подпишитесь

— и вы узнаете все, что хотите знать о любви, эротике, сексе — в литературе, искусстве, жизни.

Ищите наши индексы в подписном каталоге Украины:

74283 – «ЛЕЛЬ» (УКРАЇНСЬКИЙ ЛЕЛЬ)
74288 – «ЛЕЛЬ-РЕВЮ»

ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ ВАЖНЕЙШИМ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКУССТВО ЛЮБВИ

Уэлс (Лельрет)